

Дискриминация женщин в местах несвободы в Беларуси.

Аналитический доклад
за 2020–2025 годы

Содержание

Введение	3
I. Отсутствие раздельного размещения мужчин и женщин, неуважительное обращение и сексуализированные домогательства	6
II. Антисанитария, отсутствие медицинской помощи и нарушение права на здоровье	12
a. Переполненность камер и отсутствие спальных мест	12
b. Отсутствие средств гигиены	13
c. Невозможность соблюдения личной гигиены	15
d. Ненадлежащие условия для использования туалетов	17
e. Нарушение температурного режима	18
f. Нарушение права на предоставление медицинской помощи	19
g. Наказание для женщин в местах несвободы	21
III. Ненадлежащие условия содержания беременных женщин и матерей	24
IV. Одежда и обувь для осуждённых женщин	27
V. Принудительные работы и ненадлежащие условия труда	30
VI. Взаимопересекающиеся формы дискриминации	32
a. Предполагаемые политические взгляды	33
b. Язык, этническое происхождение и раса	35
c. Инвалидность и хронические заболевания	37
d. Пенсионный возраст	37
VII. Обжалование условий содержания	38
VIII. Рекомендации	41
Заключение	43

Введение

Право женщин на жизнь, свободную от гендерного насилия, неразрывно связано с другими правами человека, такими, как право на жизнь, здоровье, свободу и личную неприкосновенность, равенство и равную защиту в семье, свободу от пыток, жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, а также право на свободу выражения мнений и передвижения, участия, собраний и ассоциаций, и неотделимо от этих прав.¹

Дискриминационные условия содержания женщин в местах лишения свободы – давняя проблема в Беларуси. Первое дело в практике Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ) против Беларуси касалось именно условий содержания в изоляторе временного содержания (Инга Абрамова против Беларуси, CEDAW/C/49/D/23/2009). Это же дело было первым в практике КЛДЖ, где Комитет рассмотрел условия содержания женщин с точки зрения соответствия их требованиям Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее – Конвенция). В дальнейшем, в своих Заключительных замечаниях касательно Беларуси КЛДЖ неоднократно высказывал обеспокоенность по поводу бесчеловечных условий содержания, отсутствия независимых и конфиденциальных механизмов подачи жалоб, и иных нарушений прав женщин-заключённых.²

Тем не менее, для более точной и всесторонней оценки международными эксперт:ками³ ситуации в Беларуси, мы считаем необходимым предоставить более детальное и полное разъяснение беларусского контекста.

Для улучшения положения женщин-заключённых мы считаем необходимым показать эксперт:кам КЛДЖ и в целом международному сообществу те условия содержания, которые очевидно являются дискриминационными по отношению к женщинам, и, кроме того, помочь нашим коллегам-правозащитни:цам при определении нарушений конкретных статей Конвенции, подготовке и обосновании обращений в КЛДЖ и иные международные органы.

В местах лишения свободы находятся тысячи женщин, которые ежедневно сталкиваются с ненадлежащими, небезопасными и/или унижающими достоинство условиями содержания. По состоянию на конец 2025 года среди лиц, признанных беларусскими правозащитни:цами политическими заключёнными, 167 женщин. Вместе с тем политические заключённые составляют лишь небольшую часть всех женщин, лишённых свободы: описываемые в настоящем докладе условия являются системными и затрагивают всех женщин в местах несвободы независимо от характера обвинений, хотя наличие политических мотивов преследования нередко усугубляет их положение.

¹ Общая рекомендация № 35 о гендерном насилии в отношении женщин, предназначенная для обновления общей рекомендации № 19, CEDAW/C/GC/35, п. 15

² CEDAW/C/BLR/CO/7 (2011), п.25–26; CEDAW/C/BLR/CO/8 (2016), п.44–45; CEDAW/C/BLR/CO/9 (2025), п.53–54

³ В тексте Доклада для большей инклюзивности языка авторки используют феминитивы и гендер-гэпы (гендерные пробелы в формате «::»). Этот символ подразумевает, что слова во множественном числе включают людей всех гендеров.

Для подготовки настоящего доклада мы опросили женщин, которые были лишены свободы по различным основаниям и на различные сроки в 2020–2025 годах. В частности, среди респонденток были те, которые содержались в изоляторах временного содержания (ИВС) в Минске, Бресте, Могилёве, Гомеле, Речице, Центре изоляции правонарушителей (ЦИП) в Минске, следственных изоляторах (СИЗО) в Минске и Минском районе, Бресте, Жодино, Гомеле, и двух исправительных колониях (ИК). В целях упрощения изложения далее в тексте будут использоваться общие выражения «места несвободы» или «места лишения свободы».

В Беларуси существуют две отдельные исправительные колонии исключительно для женщин: ИК-4 в Гомеле и ИК-24 в городском посёлке Заречье. Все остальные учреждения, где содержатся женщины-заключённые, рассчитаны преимущественно на мужчин. Практически во всех учреждениях за женщинами, лишёнными свободы, следят сотрудники-мужчины; в СИЗО КГБ женщин-сотрудниц вообще нет. При этом какое-либо обучение персонала (как мужчин, так и женщин) гендерно-чувствительному подходу к потребностям женщин-заключённых не проводится. Тем самым уже с момента задержания женщины оказываются в уязвимом положении, сталкиваясь со стереотипами, условиями, не учитывающими гендерную специфику, и гендерно-обусловленным насилием.

Достаточно часто, рассказывая про условия содержания женщин, можно услышать комментарии, что в таких же условиях находятся и мужчины. Тем не менее, одинаково плохие условия содержания женщин и мужчин могут оказывать гораздо большее и худшее влияние на женщин, чем на мужчин, в силу биологических или социально-культурных различий, в том числе ролей, отводимых в обществе женщинам и мужчинам, стереотипов, из-за дисбаланса власти и т.д. Общая рекомендация № 28, касающаяся основных обязательств государств-участников по статье 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, в п. 16 даёт определение как прямой, так и косвенной дискриминации. Прямая дискриминация в отношении женщин заключается в дифференциированном подходе при обращении, причём явно по признакам пола и гендерных различий. Косвенная дискриминация в отношении женщин имеет место тогда, когда законы, стратегии, программы или практики представляются нейтральными

в той мере, в какой это касается мужчин и женщин, однако же на фактически сопряжены с дискриминационными последствиями для женщин, ибо принятие, казалось бы, нейтральной меры не приводит к устраниению ранее сложившихся факторов неравенства. Кроме того, косвенная дискриминация способна усугубить существующее неравенство ввиду отказа признать структурные и исторические модели дискриминации, а также неравенство прав и возможностей между женщинами и мужчинами. В своей практике КЛДЖ также исходит из того, что формально нейтральные условия содержания в местах несвободы могут иметь дискриминационный эффект, если при этом не учитываются специфические потребности женщин.

Минимальные стандартные правила Организации Объединённых Наций в отношении обращения с заключёнными (Правила Нельсона Манделы)⁴

⁴ https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Nelson_Mandela_Rules-R-ebook.pdf

в Правиле 2 закрепляют принцип недискриминации. Правила Организации Объединённых Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключёнными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила)⁵ в Правиле 1 закрепляют необходимость учёта особых потребностей женщин-заключённых для реализации принципа недискриминации. При этом «учёт таких потребностей в целях обеспечения реального равенства мужчин и женщин не считается дискриминацией». Бангкокские правила обращают внимание на такие ситуации, как менструация, беременность и период грудного вскармливания, однако какого-либо закрытого перечня специфических потребностей женщин-заключённых они не устанавливают.

В связи с этим в данном докладе авторки описывают условия содержания, с которыми сталкиваются женщины-заключённые, уделяя особое внимание тем условиям, которые не учитывают особые потребности женщин или которые, по мнению авторок, оказывают более негативное влияние на женщин, и в связи с этим являются дискриминацией.

⁵ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok_rules.shtml.

I. Отсутствие раздельного размещения мужчин и женщин, неуважительное обращение и сексуализированные домогательства

Согласно Правилу 11(а) Правил Нельсона Мандэлы «мужчин и женщин следует по возможности содержать в раздельных учреждениях; если же мужчины и женщины содержатся в одном и том же учреждении, то женщин следует размещать в полностью отдельных участках».

В Беларуси женщины, осуждённые за совершение уголовных преступлений, содержатся отдельно от осуждённых мужчин. При этом в стране не существует следственных изоляторов или изоляторов временного содержания, где содержались бы исключительно женщины. В ЦИП в г. Минске также содержатся как мужчины, так и женщины.

До 2024 года СИЗО-1 находилось в г. Минске на ул. Володарского. В данном СИЗО был корпус, который неформально назывался «женским». В нем, в основном, содержали женщин, однако, как сообщила одна из респонденток, в данном корпусе содержались также и мужчины. Одновременно количество заключённых под стражу женщин было так велико, что некоторое их количество содержалось в том же корпусе, что и мужчины. Соответственно, невозможно говорить, что женщины содержались в «полностью отдельных участках». Это обстоятельство можно было бы попытаться оправдать тем, что СИЗО-1 располагалось в историческом здании, построенном в XIX веке, но в августе 2024 года СИЗО-1 было перенесено в Минский район, в новый, недавно построенный комплекс зданий, который также не предусматривает полностью отдельный корпус только для женщин. Таким образом, государство не предприняло мер для того, чтобы построить новое СИЗО с учётом международных стандартов.

Правило 1 Правил Нельсона Мандэлы устанавливает право каждого человека в местах несвободы на уважительное отношение «вследствие присущего ему достоинства и их ценности как человеческой личности».

Многие респондентки, рассказывая про условия содержания, отмечали неуважительное, пренебрежительное отношение к себе. Многие сотрудники обращаются к заключённым, используя местоимение «ты».

Некоторые респондентки прямо указывали на то, что их оскорбляли словами вроде «животные», «проститутки», «овцы» и т.п. По словам респонденток, особенно содержавшихся в ЦИП г. Минска, к ним обращались с использованием сексистских выражений «тётки», «бабки». Одна из респонденток рассказывала, что во время ежедневных проверок сотрудники ЦИП в присутствии арестованных женщин обсуждали их внешность: пока заключённые стояли лицом к стене с поднятыми руками, мужчины обсуждали, кто кого бы «выбрал», если бы это были вовлечённые в проституцию женщины. В Республике Беларусь предусмотрена административная ответственность за проституцию, однако это не мешало представителям силовых структур обсуждать её как нормализованную ситуацию. Подобные сексистские обсуждения недопустимы в присутствии любых женщин, и особенно – в присутствии заключённых женщин из-за ощущаемой ими опасности.

Часто женщины сталкиваются с высказываниями, показывающими стереотипное представление о роли женщины в обществе. В частности, сотрудники различных мест содержания говорили заключённым женщинам, что лучше бы те «сидели дома» (т.е. не участвовали ни в каких акциях, не высказывали бы своё мнение), «могли бы выйти замуж и детей рожать». Многие сотрудники фактически возлагали на женщин ответственность за применяемые к ним меры, представляя лишение свободы и унижающие условия содержания как закономерное последствие их «неподобающего» поведения ("сидели бы дома – было бы сейчас все нормально", «вы закон нарушили, поэтому у вас здесь нет прав»). Женщины, у которых есть дети, сталкивались с недопустимыми характеристиками в свой адрес как плохих матерей ("и чего вы добились, дети теперь без вас"). Подобные высказывания респондентки слышали как от мужчин, так и от женщин. Одну из респонденток в ЦИП г. Минска заставили достать пирсинг из сосков; своё требование сотрудница сопровождала комментариями «и как ты собралась кормить ребёнка», хотя у арестованной не было ребёнка и она не высказывала желания родить.

Практически все респондентки рассказывали о различных случаях, когда сотрудники-мужчины могли следить за заключёнными женщинами, когда те были обнажёнными или полураздетьми, или во время интимных процессов.

Национальное законодательство предусматривает проведение в отношении заключённых, в том числе женщин, полных личных обысков⁶, во время которых люди должны полностью раздеваться. Список ситуаций, при которых заключённых могут подвергнуть полному личному обыску, не является исчерпывающим. Такой обыск может быть проведён при поступлении человека в соответствующее учреждение, перед и после конвоирования куда-либо из соответствующего учреждения и в иных случаях по решению руководства соответствующего учреждения. В исправительных колониях личный обыск, в том числе полный, может проводиться «по усмотрению должностных лиц учреждения, военнослужащих, осуществляющих охрану осуждённых и надзор за ними, исходя из складывающейся обстановки, целесообразности и в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством»⁷. Таким образом, решение о проведении полного личного обыска зависит не от объективной необходимости или определённой ситуации, а от воли администрации или конкретных сотрудников, что создаёт условия для произвольного применения данной меры. К примеру, одна из респонденток рассказывала, что в СИЗО в г. Брест на протяжении примерно трёх месяцев каждую неделю всех женщин из её камеры заставляли выходить в отдельное здание, там раздеваться и приседать.

6

Правила внутреннего распорядка изоляторов временного содержания территориальных органов внутренних дел, утверждённые постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 30.11.2016 N 315, п.24–29; Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел, утверждённые постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 13.01.2004 N 3, п.34–38; Правила внутреннего распорядка в следственных изоляторах органов государственной безопасности, утверждённые постановлением Комитета государственной безопасности Республики Беларусь от 10.08.2012 N 37, п.36–40.

7

Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, утверждённое постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 20.10.2000 N 174, п.236

Национальное законодательство предусматривает, что при проведении полного личного обыска обыскиваемым предлагается полностью раздеться, обнажить соответствующие участки тела. При этом все опрошенные женщины рассказывали, что их заставляли не только полностью раздеваться, но и приседать несколько раз.

Беларусское законодательство также предусматривает, что личный обыск должен производиться сотрудниками одного пола с обыскиваемыми лицами, и что при обыске не должны использоваться способы, унижающие человеческое достоинство.

Бангкокские правила устанавливают требования к личным обыскам в отношении женщин. Прежде всего, личные обыски должны проводиться только женским персоналом, прошедшим надлежащую подготовку, и во время обыска должны быть обеспечены уважительное отношение и защита достоинства женщин (Правило 19). Вместо обысков с полным раздеванием и инвазивных личных обысков должны разрабатываться альтернативные методы досмотра, такие как сканирование, чтобы избегать травмирующего психологического и возможного физического воздействия инвазивных личных обысков (Правило 20).

На практике же в Беларуси заключённые женщины во время полных личных обысков сталкиваются с неуважительным отношением к себе, а также с домогательствами и дискриминацией.

Одна из опрошенных женщин рассказывала, каким образом в старом помещении СИЗО-1 в г. Минск проходил полный личный обыск перед конвоированием в судебное заседание. Заключённых заводили в специальное помещение, где они все вместе раздевались, клали вещи на движущуюся ленту (аналогичную багажной ленте в аэропорту), после чего обнажённые проходили через металлодетектор и приседали три раза. Таким образом, несмотря на наличие сканирующих устройств, женщин заставляли раздеваться, что не соответствовало Правилу 20 Бангкокских правил и оказывало дополнительное травмирующее воздействие.

Практически все опрошенные сталкивались с небезопасными и оскорбительными условиями проведения полного личного обыска. Многие респондентки рассказывали, что обыск во время менструации был для них особенно травмирующим. Их заставляли отклеивать и выбрасывать прокладки во время обыска, что в условиях постоянного дефицита гигиенических средств было особенно унизительным, одна респондентка сообщила, что во время такого обыска у неё прощупывали прокладку. Одна из респонденток рассказала, что обыск в отношении неё проводил мужчина-врач. Когда она сообщила о менструации, он заставил её извлечь тампон в его присутствии.

В нарушение Правила 19 Бангкокских правил в отношении заключённых женщин часто проводятся полные личные обыски в присутствии сотрудников-мужчин или же в условиях, когда сотрудники-мужчины могут видеть обнажённых заключённых.

Одна из респонденток рассказывала, что при поступлении в ИВС её заставили раздеваться при сотруднице-женщине и мужчине-враче. При этом Правила внутреннего распорядка изоляторов временного содержания не предусматривают присутствие во время полного личного обыска сотрудника противоположного пола, даже если это медицинский работник.

Причины, по которым сотрудник мужского пола присутствовал при обыске, респондентке не пояснили. Она ни к кому не обращалась с просьбой вызвать медицинского работника, никакой необходимости в его присутствии не было, и, как поясняла респондентка, по её личным ощущениям он «смотрел не как врач, а как мужчина». Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов предусматривают возможность участия в полном личном обыске женщин медицинских работников мужского пола, но только «в необходимых случаях». При этом одна из респонденток рассказывала, что каждый раз перед тем, как отвезти её в судебное заседание и вернуть после заседания в камеру СИЗО, в отношении неё полный личный обыск проводил врач-мужчина, хотя объективной необходимости в его присутствии не было. Только после многочисленных жалоб от заключённых личные обыски начала проводить женщина.

Многие женщины рассказывали, что полный личный обыск в отношении них проводили женщины-сотрудницы, но при этом дверь в комнате, где проводился обыск, оставалась открытой. Женщины были вынуждены раздеваться и приседать, понимая, что в любой момент в помещение могли заглянуть сотрудники-мужчины. Подавляющее большинство респонденток видели установленные в комнатах для обыска видеокамеры, с помощью которых сотрудники-мужчины могли наблюдать за происходящим. Одна из респонденток сообщила, что видела работающие видеорегистраторы на сотрудницах, которые проводили полный личный обыск.

Также некоторые опрошенные женщины сообщили, что при задержании обыск в виде похлопывания по телу проводили сотрудники-мужчины. О подобных недопустимых прикосновениях со стороны мужчин сообщали респондентки, которых доставляли в ИВС г. Минска и в ИВС г. Речица.

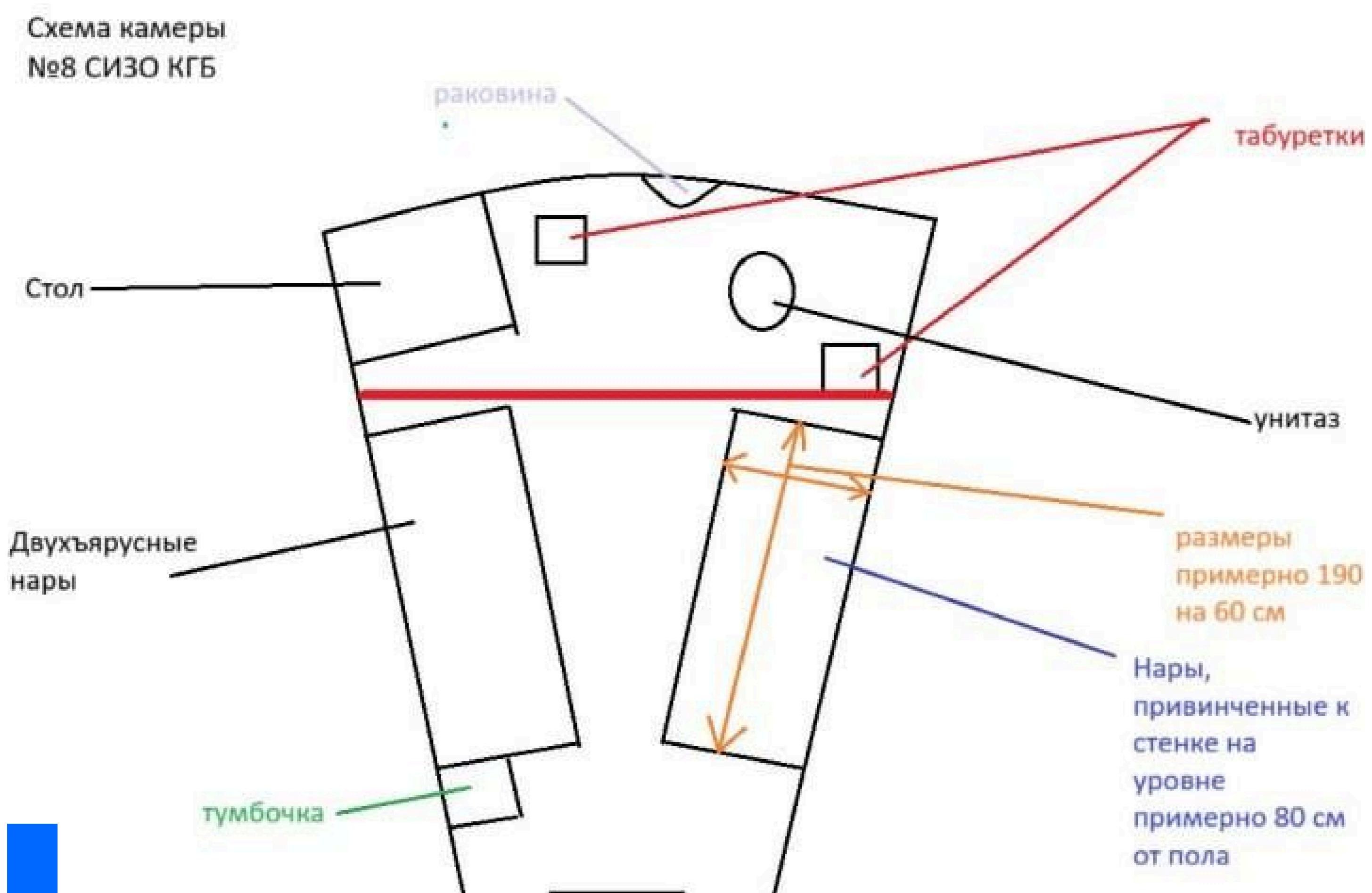
Некоторые женщины сталкивались с недопустимыми сексуализированными высказываниями и прикосновениями ещё до помещения в места несвободы. Одна из респонденток рассказала, что при её задержании милиционеры-мужчины заставили её раздеться, чтобы описать в протоколе все имеющиеся на её теле татуировки. Кроме того, они скопировали из телефона её фотографии в полуобнажённом виде и выложили позднее на одном из провластных телеграм-каналов.

Ещё одной весьма распространённой проблемой в местах содержания заключённых женщин является постоянная угроза наблюдения мужчинами-сотрудниками за женщинами, в том числе в такие интимные моменты, как мытьё или использование туалета.

Практически все опрошенные женщины сообщали об отсутствии интимности при использовании туалета. Во многих местах заключения (ИВС и ЦИП в Минске, ИВС в Могилёве, Речице и Бресте) место туалета вообще никак не отгорожено и просматривается сотрудниками-мужчинами через глазок в двери и при открытии двери в камеру. Только в старом здании СИЗО-1 г. Минска место, где находился туалет, было отгорожено перегородкой, и перед туалетом разрешалось повесить шторку; в результате место туалета невозможно было наблюдать через глазок камеры в двери. В новом же здании СИЗО-1 в Минском районе уборная с унитазом отгорожена перегородкой с одной стороны и имеет даже дверь, но при этом в каждой камере есть 2 видеокамеры, с помощью которых видно все помещение, включая туалет.

В СИЗО г. Жодино все камеры были с видеонаблюдением. В камерах туалеты были в виде чаши Генуя (напольный унитаз, проще говоря – отверстие в полу) с металлическими ограждениями по пояс, без двери. Женщины пробовали вешать шторку, но сотрудники СИЗО требовали не перекрывать обзор. В СИЗО г. Гомеля в новых отремонтированных камерах также были чаши Генуя, видеокамеры располагались над зоной туалета, и туалет попадал в зону видимости видеокамеры. В старых камерах были обычные унитазы, туалет находился за перегородкой, но без двери, и женщины не знали, просматривается ли зона туалета с имеющейся видеокамеры, но точно была видна раковина и женщина, которая пытается хотя бы частично помыться над ней. По словам женщины, содержавшейся в ИВС г. Барановичи, в её камере видеокамера находилась прямо над туалетом. Зона туалета также просматривается через видеокамеру в ИВС г. Речицы и ИВС г. Бреста. Несколько респонденток, содержавшихся в СИЗО КГБ в разных камерах, рассказали, что туалет в женских камерах никак не отгорожен и располагается таким образом, что любой сотрудник, который заглядывает в дверной глазок, может видеть сидящую на унитазе женщину. Одна из респонденток говорила, что они с сокамерницами пытались загораживать тех, кто пользовался туалетом, но в таких случаях сотрудники СИЗО сразу говорили, что так делать нельзя. При этом все сотрудники в СИЗО КГБ – мужчины.

Рисунок одной из респонденток

Все респондентки, которые отбывали административные аресты, сообщали, что их не выводили в душ. Женщины, задержанные по административным и уголовным делам, также говорили, что в ИВС их не выводили в душ. В других местах заключения женщины могли пользоваться душем раз в неделю, но этого было явно недостаточно для поддержания чистоты, поэтому все опрошенные женщины рассказывали, что пытались мыться, используя раковины в камерах и подручные средства (например, бутылки). При этом раковины, возле которых можно было частично помыться, зачастую находились под видеокамерами или таким образом, что все происходящее возле раковин видно в глазок двери.

Также во всех следственных изоляторах в душ водили мужчины-сотрудники. При этом дверь в помещение для раздевания оборудована дверным глазком. При таких обстоятельствах мужчины-сотрудники в любой момент могли наблюдать за раздетыми женщинами. Более того, заглянуть в дверной глазок мог не только персонал, но и иные лица. Например, одна из респонденток рассказала, что в СИЗО г. Минска, где она содержалась, работали несколько мужчин, уже лишённых свободы по приговору суда, но оставленных в СИЗО в порядке ст. 67 Уголовного исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК)⁸ для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию. Как говорила респондентка, в дверной глазок в помещение для раздевания могли заглядывать не только сами сотрудники-мужчины, но и проходящие мимо осуждённые работники. В её случае именно это и произошло: осуждённый мужчина заглядывал в дверной глазок, когда респондентка переодевалась, и сотрудники СИЗО при этом никак не пресекали его действия.

Некоторые женщины сообщали о сексуализированных высказываниях в свой адрес, неуместных шутках или угрозах. К примеру, одна из женщин рассказала, что убедилась в проведении видеонаблюдения в камере после того, как один из сотрудников ИВС г. Минска в непристойных выражениях сделал «комplимент» касательно её груди. Другую женщину сотрудник ИВС г. Минска упрекнул в «излишней демонстрации» своей груди на видеокамеру. Ещё одна из респонденток рассказала, что в СИЗО г. Жодино сотрудники обсуждали при задержанных, кого бы они изнасиловали из задержанных.

Все вышеперечисленные условия являются унизительными и небезопасными для женщин. В своей практике КЛДЖ уже отмечал, что наблюдение сотрудниками-мужчинами через дверные глазки за заключёнными женщинами во время их личных занятий, таких как пользование туалетом, является нарушением их права на частную жизнь. КЛДЖ указывал, что неуважительное обращение с заключёнными женщинами со стороны сотрудников пенитенциарных учреждений, а именно сотрудников мужского пола, включая неоправданное вмешательство в их частную жизнь, является проявлением дискриминации по смыслу статьи 1 и пункта а) статьи 5 Конвенции в соответствии с разъяснением, содержащимся в общей рекомендации № 35. Также КЛДЖ приходил к выводу, что нежелательное поведение сексуализированного характера со стороны охранников-мужчин равносильно сексуализированным домогательствам.

Причинение вреда в результате оскорбительного и унижающего достоинство обращения, сексуализированных домогательств и негативных последствий для здоровья представляют собой нарушения статей 2 и 5 (а) Конвенции⁹.

II. Антисанитария, отсутствие медицинской помощи и нарушение права на здоровье

Хотя биологические различия между женщинами и мужчинами могут приводить к различиям в состоянии здоровья, существуют социальные факторы, которые определяют состояние здоровья женщин и мужчин, и могут варьироваться среди самих женщин. По этой причине особое внимание следует уделять потребностям и правам в области здравоохранения женщин, принадлежащих к уязвимым и неблагополучным группам¹⁰. Перечень уязвимых групп, который даёт КЛДЖ в Общей рекомендации № 24, не является закрытым. С учётом фактора лишения свободы можно утверждать, что женщины-заключённые являются уязвимой группой, и в связи с этим государство обязано принимать особые меры для защиты прав этих женщин.

Подавляющее большинство опрошенных женщин сообщали об унизительных условиях содержания, отсутствии элементарной гигиены, что в результате повлияло на их психологическое и физическое здоровье, в том числе репродуктивное.

Среди ненадлежащих условий, которые описывали женщины, можно выделить наиболее часто встречающиеся, перечисленные ниже.

а. Переполненность камер и отсутствие спальных мест

Правило 21 Правил Нельсона Мандэлы обязывает государства обеспечить каждому человеку «отдельную койку в соответствии с национальными или местными нормами, снабжённую отдельными достаточными спальными принадлежностями, которые должны быть чистыми в момент их выдачи, поддерживаться в исправности и меняться достаточно часто, чтобы обеспечивать их чистоту». Это правило почти всегда нарушается в местах содержания задержанных и отбывающих административный арест. Практически все женщины, отбывавшие административный арест, сообщали о переполненности камер, из-за которой они не имели своих спальных мест. К примеру, одна из респонденток рассказала, что когда её поместили в двухместную камеру ИВС г. Минска, там уже было около 8 человек.

⁹ CEDAW/C/49/D/23/2009, п.7.7.; CEDAW/C/77/D/133/2018, п.7.7.; CEDAW/C/87/D/157/2020, п.7.7

¹⁰ Общая рекомендация Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин № 24: Статья 12 Конвенции (женщины и здоровье), п.6

Ночью в эту камеру неоднократно заводили новых задержанных, и к утру там уже находилось 16 женщин. Из-за переполненности камер многие женщины были вынуждены спать на полу, под нарами, на столе, на лавках и т.д. В лучшем случае женщины спали вдвоём на одних нарах или одной кровати. Чаще всего женщины сообщали, что не получали матрасов и были вынуждены спать на нарах, сконструированных из железных прутьев. Многие предпочитали спать на полу, т.к. прутья таких нар были очень холодными и оставляли болезненные синяки на теле. Одна из респонденток рассказывала, что в её камере были матрасы, но их количество было гораздо меньше количества женщин. При этом подушек и одеял у заключённых не было, а простыни были очевидно несвежими после предыдущих заключённых.

В следственных изоляторах женщины получают индивидуальные спальные места. При этом некоторые респондентки сообщали, что их содержали в бетонном холодном помещении, а матрасы и постельное белье не обеспечивали необходимой теплоизоляции, поэтому женщины были вынуждены спать в одежде и обуви. Одна из женщин сообщила, что ей не хватило спального места в камере СИЗО КГБ, поэтому персонал положил на бетонный пол доски, прикрыв их сверху матрасом. Т.к. доски были положены на бетонный пол, а матрас был тонким, женщине было очень холодно, и ей приходилось спать в одежде.

b. Отсутствие средств гигиены

Исходя из Правила 18 (1) Правил Нельсона Мандэлы, для того, чтобы заключённые содержали себя в чистоте, «их нужно снабжать водой и туалетными принадлежностями, необходимыми для поддержания чистоты и здоровья». Правило 5 Бангкокских правил устанавливает, что в помещениях, в которых размещаются женщины-заключённые, должны иметься средства и принадлежности, необходимые для удовлетворения специфических гигиенических потребностей женщин, включая бесплатно предоставляемые гигиенические салфетки и регулярное снабжение водой для целей личной гигиены детей и женщин, особенно женщин, занимающихся приготовлением пищи, беременных женщин, кормящих матерей и женщин во время менструации.

Данные Правила практически повсеместно нарушаются в местах задержания и местах отбывания административных арестов, в особенности если это касается женщин, задержанных или административно арестованных по политическим мотивам.

К примеру, в местах отбывания административных арестов женщинам, арестованным по политическим мотивам, чаще всего не предоставляли зубную пасту и зубную щётку. Данное обстоятельство зависело от места и года отбывания административного ареста. К примеру, в ЦИП г. Минска в 2020 году какое-то время выдавали средства гигиены, в том числе зубные щётки и пасты, но эти средства предоставлялись не от государства, а передавались волонтёрами. В дальнейшем условия содержания в ЦИП г. Минска значительно ухудшились, передачи от волонтёров и родственников не принимались сотрудниками ЦИП, и женщины были вынуждены пользоваться зубными щётками, которые оставались от предыдущих арестованных женщин. В некоторых местах зубную пасту и щётку все же выдавали (ИВС г. Могилёва).

Большинство опрошенных говорили, что получали туалетную бумагу и мыло только после длительных и унизительных просьб. Многие женщины рассказывали, что туалетной бумаги им не хватало, и они были вынуждены экономить и использовать бумагу только после дефекации; после мочеиспускания женщины подмывались с помощью подручных средств. В ИВС г. Минска давали обмылок 1 раз в неделю на всю камеру, в которой могло быть 15 человек. В ИВС г. Речицы респондентке не выдавали ни туалетную бумагу, ни мыло.

Подавляющее большинство женщин рассказывали об ограниченном доступе к гигиеническим средствам во время менструации. Так в ИВС г. Минска в день выдавали по 1–2 прокладки каждой женщине, могли взамен прокладок выдать вату. Одна из респонденток рассказывала, что сообщила сотрудникам о менструации и просила о предоставлении ей прокладок, но ей их так и не выдали. По словам одной из респонденток, в ИВС г. Гомеля во время её пребывания там прокладок не выдавали вообще, и женщины вынуждены были использовать подручные средства (одежду или тряпки) в период менструации.

Даже если женщинам выдавали прокладки, часто это происходило не по мере необходимости, а в соответствии с беларусским законодательством – 6 прокладок на 3 суток¹¹ – чего было явно недостаточно.

В некоторых случаях доступ к гигиеническим средствам использовался как своеобразное «наказание» за предполагаемые политические взгляды. В СИЗО г. Жодино по одному резонансному уголовному делу именно женщинам отказывали в предоставлении туалетной бумаги, мыла, зубных щёток, пасты, прокладок, в то время как мужчинам давали туалетную бумагу. Все заключённые под стражу по данному делу 30 дней были лишены передач и возможности купить что-либо в магазине СИЗО. Женщины 30 дней оставались в той одежде и белье, в которых были задержаны, а по истечении данного срока получили доступ к покупкам в магазине СИЗО, но не могли приобрести чистое белье, т.к. в магазине СИЗО г. Жодино вообще не продавали женское белье.

В колониях доступ к средствам гигиены имеется, но в недостаточном количестве. Например, женщинам выдаётся 10 прокладок в месяц¹². В ИК-4 можно было по заявлению 1 раз в месяц получить средства личной гигиены в виде мыла, прокладок и т.п. Все женщины, вне зависимости от нуждаемости, подавали такое заявление, чтобы получить средства гигиены и затем отдать их «на нужды отряда», т.е. тем женщинам, которые не получали передач и особенно нуждались в этих средствах. В ИК-24 также выдавали ежемесячно мыло, прокладки и туалетную бумагу, но делиться ими не разрешалось под угрозой привлечения к ответственности. В результате женщины, которые не получали передачи от своих семей, часто воровали чужие полотенца, майки и носки, чтобы использовать их при менструации, потому что прокладки были низкого качества, и 10 штук в месяц женщине обычно не хватает.

¹¹ [Приложение 4 к Правилам внутреннего распорядка мест отбывания административного ареста, утверждённые постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 20.10.2015 N 313; приложение 6 к Правилам внутреннего распорядка изоляторов временного содержания территориальных органов внутренних дел.](#)

¹² [Приложение 6 к постановлению Совета Министров Республики Беларусь 25.03.2021 N 169 «Об установлении норм питания и норм обеспечения средствами личной гигиены отдельных категорий граждан».](#)

с. Невозможность соблюдения личной гигиены

Правило 16 Правил Нельсона Мандэлы предусматривает, что «банные установки и количество душей должны быть достаточными для того, чтобы каждый заключённый мог и был обязан купаться или принимать душ при подходящей для каждого климата температуре и так часто, как этого требуют условия общей гигиены, с учётом времени года и географического района, то есть во всяком случае хотя бы раз в неделю в умеренном климате».

Все респондентки указывали на недостаточные условия для поддержания гигиены в местах несвободы.

Все опрошенные женщины, которые отбывали административные аресты, сообщали, что их вообще не выводили в душ, хотя национальное законодательство предоставляет возможность административно арестованным принимать душ не реже одного раза в неделю¹³. Женщины были вынуждены набирать в бутылки воду из-под крана (чаще всего – холодную) и таким образом хотя бы частично мыться над раковиной в камере.

В следственных изоляторах Беларуси женщинам также сложно поддерживать гигиену. Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов предусматривают, что лицам, содержащимся под стражей, предоставляется возможность помывки в душе продолжительностью не менее 15 минут.¹⁴ Тем не менее, то, что в законодательстве считается минимальным стандартом, в действительности является предельной возможностью: во всех СИЗО женщин водят в душ максимум раз в неделю в так называемый «банный день». Если женщина по какой-либо причине пропускает «банный день» (например, из-за проведения следственных действий или встречи с адвокатом), то ей приходится ждать следующую неделю, т.к. возможность принять душ в другой день ей не предоставляется. Одна из опрошенных женщин сообщила, что целый месяц была лишена душа, поскольку «банный день» всегда совпадал с днями судебных заседаний.

Предусмотренные законодательством 15 минут для принятия душа на самом деле включают в себя раздевание, мытьё и одевание. В результате непосредственно на мытьё остаётся ещё меньше времени, которое, к тому же, часто приходится тратить на улучшение условий в самих душевых помещениях. К примеру, в СИЗО г. Гомеля в помещении для мытья было много душевых, поэтому каждая женщина могла мыться под отдельным душем, но подача воды осуществлялась только при постоянном нажатии кнопки, из-за чего женщина была вынуждена одной рукой удерживать кнопку, а другой – пытаться мыться. Заключённым приходилось фиксировать кнопку в зажатом положении подручными средствами, в том числе личным бельём, чтобы можно было обеспечить непрерывную подачу воды. Одна из респонденток рассказывала, что в СИЗО г. Гомеля количество душевых было меньше, чем количество моющихся, и в результате женщинам приходилось мыться вдвоём под одним душем.

¹³ Правила внутреннего распорядка мест отбывания административного ареста, утверждённые постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 20.10.2015 N 313.

¹⁴ Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел, утверждённые постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 13.01.2004 N 3.

Опрошенные женщины говорили, что в СИЗО г. Гомеля и в старом здании СИЗО-1 (в г. Минске на ул. Володарского) была только холодная вода в камерах, что делало практически невозможным поддержание гигиены в другие дни, кроме банного. Государство в принципе не предпринимает мер для того, чтобы каким-либо образом улучшить ситуацию с обеспечением гигиены заключённых. Например, в новых зданиях СИЗО-1 в Минском районе можно было бы предусмотреть возможность для заключённых принимать душ по мере необходимости (например, установив душевые в камерах), но этого не было сделано.

В ИК-4 санитарные установки различаются в зависимости от отряда. Единственным общим правилом является посещение общей бани 1 раз в неделю. В некоторых отрядах имеются душевые кабины, но пользоваться ими запрещено даже в ситуациях очевидной необходимости, к примеру, во время менструации или после рабочего дня в жаркий и душный день, сопровождающегося сильным потоотделением и физическим дискомфортом. На отряд из не менее чем 80 женщин зачастую предназначено не более 6 раковин, иногда имеются 1-2 душа (но не во всех отрядах), 1-2 биде или гигиенических душа и душ для ног, в которых женщины пытаются помыться целиком.

Рисунок Полины Шаренко-Панасюк

Данное количество санитарных установок явно не соответствует количеству содержащихся в одном отряде женщин. В некоторых отрядах негласно разрешено мыть голову 2 раза в неделю, но делать это приходится над раковиной.

Некоторые респондентки рассказывали, что в их камерах содержались бездомные женщины. До помещения этих женщин в камеры персонал не предпринимал никаких мер по элементарному обеспечению гигиены, включая санитарную обработку, проверку на педикулёз или предоставление чистой одежды. К примеру, одна из респонденток рассказывала, что в её камеру СИЗО г. Жодино поместили бездомную женщину, которую предварительно не отвели в душ, и её сокамерницам пришлось самостоятельно её мыть с помощью подручных средств. Сотрудники СИЗО не проверили женщину на педикулёз, и о наличии у неё вшей другие заключённые узнали только потому, что сами осмотрели её голову. Персонал СИЗО знал о ситуации, но не давал никаких средств для обработки женщины от вшей. Её сокамерницам пришлось в письмах просить своих родственници, чтобы те прислали необходимые средства. Только после получения средств от вшей в личных передачах, заключённые смогли провести обработку своей сокамерницы от педикулёза.

d. Ненадлежащие условия для использования туалетов

Правило 15 Правил Нельсона Мандэлы требует, чтобы санитарные установки были «достаточными для того, чтобы каждый заключённый мог удовлетворять свои естественные потребности, когда ему это нужно, в условиях чистоты и пристойности». Практически все опрошенные женщины указывали, что посещение туалета сопровождалось для них дополнительными страданиями и переживаниями. Одна респондентка, содержавшаяся в СИЗО КГБ, рассказывала, что в её камере вместо туалета было обычное ведро. Другая из респонденток упоминала, что её и других административно арестованных женщин длительное время держали в прогулочном дворике перед распределением покамерам; на просьбы сводить в туалет сотрудники не реагировали, и женщины были вынуждены использовать ведро. Ведро никак не было огорожено, и поэтому административно арестованные были вынуждены пользоваться им под видеокамерами и в присутствии других женщин. Как было указано ранее, часто у женщин нет возможности укрыться от наблюдения мужчинами-сотрудниками во время использования туалетов.

В колониях количество туалетов далеко не всегда пропорционально количеству женщин в отряде. Например, в ИК-4 туалеты различаются в зависимости от отряда: где-то это кабинки с унитазами, где-то в виде чаши Генуя, но зачастую на отряд (от 70 до 100 человек) предусмотрено не более 4 туалетов и не все из них могут быть с рабочим сливом. В СИЗО г. Жодино туалет был без слива, необходимо было использовать ведро, чтобы набрать воду и смыть за собой.

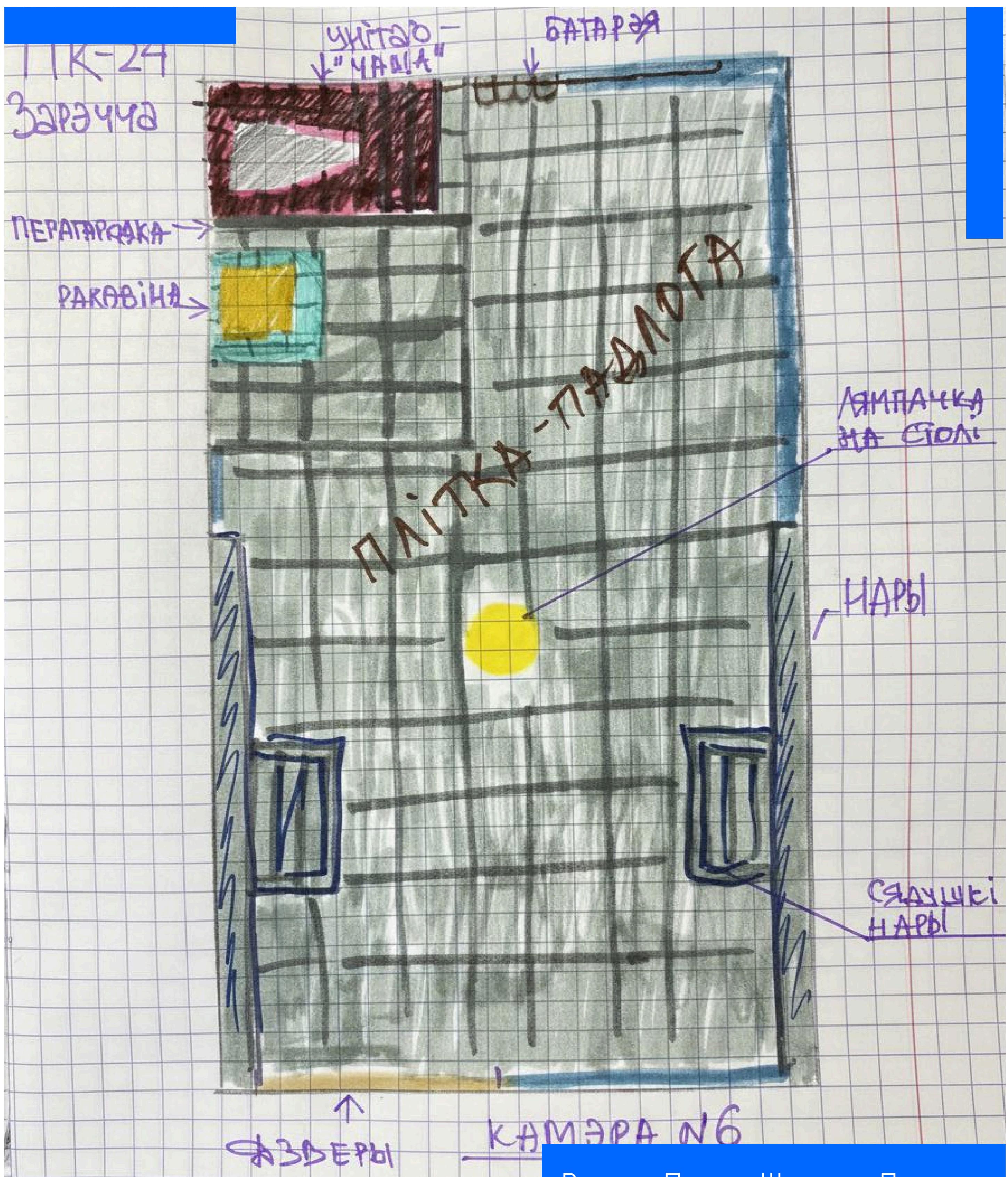

Рисунок Полины Шарендо-Панасюк

е. Нарушение температурного режима

Правило 13 Правил Нельсона Мандэлы указывает, что «все помещения, которыми пользуются заключённые, особенно все спальные помещения, должны отвечать всем санитарным требованиям, причём должное внимание следует обращать на климатические условия, особенно на кубатуру этих помещений, на минимальную их площадь, на освещение, отопление и вентиляцию».

При этом многие опрошенные женщины отмечали, что температурный режим в их камерах не соблюдался. Многие женщины рассказывали, что в их камерах было очень холодно. Одна из опрошенных сообщила, что в её камере окно было все время открыто, несмотря на зимнее время. Окно находилось за решётками, и закрыть его самостоятельно заключённые не могли. Женщины просили сотрудников закрыть окно, но им отказывали в этой просьбе. Одна из респонденток рассказывала, что в СИЗО КГБ окно плохо закрывалось, из-за чего в камере было очень холодно. Окно починили только через 2 недели настойчивых жалоб и требований женщин.

f. Нарушение права на предоставление медицинской помощи

Указанные выше условия содержания значительно подрывают право женщин на здоровье, в том числе репродуктивное здоровье, и при этом большинство сообщали о невозможности получить надлежащую медицинскую помощь.

В изоляторах временного содержания и в ЦИП г. Минска могут быть медицинские работники, но узких специалистов там нет, и в случае необходимости у женщин практически нет возможности получить специализированную медицинскую помощь. При этом в ИВС женщины могут находиться, в зависимости от инкриминируемых статей, 10–20 суток. Административно арестованные женщины могут быть лишены свободы на срок вплоть до 30 суток. Некоторых женщин несколько раз последовательно привлекали к административным арестам, и в результате они находились в местах отбывания административного ареста даже больше месяца.

Все это время женщины находились в ненадлежащих условиях и без какой-либо медицинской помощи.

Переполненные камеры в ИВС и ЦИП приводят к распространению заболеваний. К примеру, одна из респонденток рассказывала, что в её камере ЦИП почти все женщины переболели предположительно COVID-19. Точный диагноз никому не был поставлен, т.к. медицинский персонал ЦИП не обследовал заболевших. Респондентка просила персонал ЦИП о необходимости измерить температуру, но никто из медперсонала так и не пришёл.

Холод, открытые окна в осенне-зимний период, сон на полу или на железных нарах без матраса усугубляют заболевания мочеполовой системы у заключённых.

Часто женщинам отказывают в предоставлении даже срочной медицинской помощи. К примеру, одна из респонденток рассказывала про свою сокамерницу, у которой случился гипертонический криз. Арестованные женщины длительное время упрашивали персонал ИВС вызвать для женщины «Скорую помощь», но сотрудники отказывались это делать. Только после длительных уговоров администрация учреждения вызвала «Скорую помощь», которая хотела забрать женщину в больницу, но сотрудники отказались отдавать задержанную. Медперсонал «Скорой помощи» был вынужден сделать укол женщине и уехать; какое-то время ей дали полежать и снова вернули в камеру.

Большинство задержанных или административно арестованных женщин испытывают проблемы с репродуктивным здоровьем, но соответствующую медицинскую помощь они получить не могут ввиду отсутствия гинекологической помощи. Многие респондентки рассказывали, что у них пропадала менструация, но никакой медицинской помощи по этому поводу им не предоставляли. Одна из опрошенных рассказывала, что планировала беременность перед задержанием, и когда у неё наступила задержка менструации, она попросила медицинского сотрудника предоставить ей тест на беременность. Женщине было сказано, что таких тестов у персонала нет, и ей ничем не могут помочь. Многие задержанные и административно арестованные женщины сообщали о том, что у них, наоборот, начинались очень обильные менструации, которые длились долгое время, но никакой медицинской помощи они также не получали.

В следственных изоляторах возможность получить специализированную медицинскую помощь имеется, но все равно остаётся недостаточной. Например, одна из респонденток полтора месяца ждала, когда её отведут к стоматологу в старом здании СИЗО-1 в Минске. Медицинские сотрудники также могут затягивать с оказанием помощи заключённым. Та же респондентка рассказывала, что когда у её сокамерницы случился приступ эпилепсии, все женщины в этой и даже соседних камерах начали кричать и просить сотрудников, чтобы те вызвали врача, но врач пришёл только через 30 минут. Одна из опрошенных страдала приступами мигрени, и когда в СИЗО у неё случился очередной приступ, необходимые лекарства ей дали только через 2 часа, хотя сотрудники видели, как она плакала от боли, и она говорила им, что у неё частично пропало зрение. Одна из опрошенных женщин рассказывала, что когда попросила сотрудников СИЗО о гинекологической помощи, то услышала в ответ: «в колонии получишь».

Одна из опрошенных женщин сообщила, что в старом здании СИЗО-1 в Минске она хотя бы могла получить лекарства, которые ей передавали родственники, но в СИЗО-3 г. Гомеля у неё забрали все лекарства и не выдавали, хотя они ей были необходимы.

В колониях возможность получить медицинскую помощь также ограничена. В ИК-4 на всю колонию есть только две гинекологини. При этом гинекологические осмотры проводятся в условиях, не соответствующих медицинской этике и не обеспечивающих права пациенток. К примеру, одна из респонденток говорила, что при поступлении в колонию осмотр у гинекологини женщины проходили одна за другой, и часто опрос одной женщины начинали проводить ещё до того, как предыдущая женщина оделась и вышла из кабинета. Другая опрошенная рассказывала, что во время гинекологического осмотра докторка позволяла себе некорректные высказывания в её адрес, например, «у тебя отвратительные выделения». У женщины взяли мазок, но в дальнейшем не сообщили ей о результатах анализов. Сам осмотр был грубым, после него у женщины некоторое время были кровянистые выделения. Осмотр проводился в кабинете на первом этаже, гинекологическое кресло стояло напротив окна, которое не было закрыто шторами, и поэтому с улицы можно увидеть проводимые осмотры.

Получение медицинской помощи в ИК-4 одна из респонденток охарактеризовала словом «борьба»: получить срочную медицинскую помощь или освобождение от работы по состоянию здоровья было практически невозможно.

Женщина могла попасть на врачебный осмотр и получить освобождение от работы (больничный) в связи с температурой, но при этом ей не давали разрешение лежать в дневное время. Постельный режим во время болезни могли дать на 1–2 часа в день, все остальное время лежать было запрещено. По словам одной респондентки, больничный освобождает женщин от работы, но не от дежурства. Рассказывая про медицинскую помощь в ИК-24, одна из опрошенных отметила грубое отношение медперсонала к осуждённым женщинам, и что «они во всех пациентках видели симулянтов». Только если женщина начинала терять сознание, она могла получить медицинское освобождение от работы.

В колониях практически невозможно добиться направления на медико-социальную экспертизу для получения заключения медико-реабилитационной экспертной комиссии, которое необходимо для получения инвалидности. Одна из респонденток рассказывала, что находилась в ИК-4 год, и весь этот год женщина в её отряде пыталась добиться направления на экспертизу, но не получала его несмотря на документально подтверждённые проблемы с сердцем.

Чтобы попасть к доктор:ке в колониях, женщины должны записаться заранее, даже если им необходима срочная медицинская помощь. К примеру, одна респондентка рассказывала, что у неё начались сильные менструальные боли, и её отвели в санитарную часть. Женщина попросила обезболивающие лекарства, а ей сказали, что для этого надо пройти осмотр у гинеколога. При этом ближайшая запись на приём была через две недели – и в таком осмотре уже не было смысла.

Все перечисленные выше обстоятельства нарушают свободу женщин от бесчеловечного или унижающего их достоинство обращения, а также право женщин на здоровье – физическое и психологическое. Содержание в ненадлежащих санитарных условиях затрагивает всех заключённых, однако отсутствие учёта специфических потребностей женщин и больший риск заболеваний мочеполовой системы при несоблюдении гигиены или переохлаждении оказывают непропорционально сильное воздействие именно на женщин. Условия содержания женщин в различных местах несвободы свидетельствуют о множественных нарушениях Конвенции, включая статьи 12 и 2 (b), (d), (e), (f) и 3, прочитанных совместно со статьёй 1 Конвенции.

г. Наказание для женщин в местах несвободы

На женщин, находящихся в местах несвободы, могут быть наложены дисциплинарные взыскания за якобы неповиновение требованиям администрации или нарушение правил внутреннего распорядка. При этом нередко данные взыскания налагаются необоснованно либо по формальным или надуманным причинам. В ряде случаев под «неповиновением» фактически понимается выражение несогласия или отказ от навязываемых женщине оценок. Например, принципиальный отказ женщины, не согласной с вынесенным приговором, называть себя «лицом, склонным к экстремистской деятельности» или «осуждённой» будет влечь за собой наложение взысканий.

Иногда администрация места несвободы применяет наказания, которые в принципе не предусмотрены законодательством и фактически представляют собой превышение полномочий.

Одна из респонденток рассказала, что вся её камера в ЦИП г. Минска объявила голодовку в ответ на бесчеловечные условия содержания (12 человек в двухместной камере, вынужденное размещение на полу для сна, отсутствие необходимых средств гигиены, использование бывших в употреблении зубных щёток). В ответ на голодовку администрация ЦИП вывела всех женщин без верхней одежды в резиновых тапочках на улицу в холодное время года (ноябрь) и не вернула женщин в камеру, пока они не согласились прекратить голодовку.

Часто применяют взыскания и порой по надуманным основаниям к женщинам, отбывающим наказание в ИК-4 и ИК-24, при этом особое внимание уделяется политзаключённым. По словам женщин, взыскание можно получить за несвоевременное приветствие сотрудницами колонии, за расстёгнутую пуговицу, за якобы опоздание на «Вектор» (просмотр пропагандистского видео из разных государственных ТВ-каналов). Одним из видов наказания является водворение в штрафной изолятор (далее – ШИЗО). Находящимся в ШИЗО запрещены свидания, телефонные разговоры, приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, получение посылок, передач, бандеролей и мелких пакетов, отправление и получение писем, пользование настольными играми и курение. Постельные принадлежности им не выдаются, прогулки не предоставляются (ст.114 (1) УИК)¹⁵. Максимальный срок водворения в ШИЗО – 15 суток. Но законодательство Беларуси не запрещает применение этого вида взыскания несколько раз подряд. В результате женщины могут находиться в ШИЗО длительное время, т.к. якобы совершают новые «нарушения», за которые их наказывают новым водворением в ШИЗО.

Камера ШИЗО ИК-4 представляет собой маленькое, сырое помещение с большим количеством плесени, в длину всего 5 шагов, в ширину 3 шага. Все помещение состоит из бетона, поэтому даже при включённом отоплении зимой в нем очень холодно, температура редко поднимается выше 10 градусов Цельсия. В кране есть только холодная вода, в душ водят 1 раз в неделю. Согласно статьи 114 (1) УИК Беларуси в ШИЗО не выдают постельное белье, одеяло, подушку и матрас.¹⁶ В камере есть нары, которые днём пристёгнуты к стене, на ночь их отстёгивают. Нары отстёгивает вечером и пристёгивает утром сотрудница колонии, при этом заключённая должна держать их при опускании и подъёме, а весят они около 40–50 кг. Нары в ШИЗО хоть и деревянные, но по бокам обиты железом, из-за чего спать на них очень холодно. Также в камере ШИЗО ещё есть маленький столик для приёма пищи и деревянный ящик, обитый металлом, для сидения. Днём женщина может либо сидеть на бетонном полу, либо на данном ящике, однако она не может долго сидеть, поскольку становится очень холодно. Женщина при помещении в ШИЗО может взять с собой только туалетную бумагу, мыло, полотенце, зубную щётку и пасту. Гигиенические прокладки взять с собой нельзя, можно лишь просить сотрудницу или сотрудника колонии о выдаче прокладок. Также при направлении в ШИЗО женщина должна оставить форму, выданную ранее в колонии, и надеть форму, выданную для нахождения в ШИЗО. Данная одежда очень изношенная, тонкая, представляет собой пиджак и юбку. Качество одежды и её форма не дают возможности женщине согреться в холодном помещении ШИЗО.

¹⁵ <https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=HK0000365>.

¹⁶ Ibid.

Также в камере круглосуточно горит электрический свет, который не выключается даже ночью. Условия в ШИЗО созданы такие, что женщины, находясь там, постоянно испытывают проблемы со сном. Женщины могут заснуть на непродолжительное время, после чего либо из-за холода, либо из-за света просыпаются, ходят по камере, чтобы согреться, и снова пытаются заснуть.

Помещение ШИЗО ИК-24 схоже с помещением ШИЗО ИК-4. Стены в ШИЗО бетонные, и поэтому в камерах всегда очень холодно. Тёплую воду дают только вечером на 15 минут. В одной из камер ШИЗО подтекает одна из труб, и все время по стене течёт вода, вследствие чего в камере очень большая влажность и постоянно присутствует плесень на стенах. В камеры практически не проникает дневной свет. В одной из камер ШИЗО нет даже маленького окошка для дневного света и нет места, чтобы присесть.

После неоднократного применения наказания в виде водворения в ШИЗО, женщину могут направить на длительное пребывание (до 6 месяцев) в помещение камерного типа (далее – ПКТ). ПКТ – это специальное помещение, в котором содержатся осуждённые к лишению свободы, переведённые в порядке взыскания за злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания. В ПКТ осуждённые содержатся отдельно друг от друга, не имеют права на получение продуктовых и вещевых посылок. Содержащихся в ПКТ выводят на прогулку на меньшее время, чем других осуждённых. Они могут получать меньше бандеролей и приобретать продукты всего на одну базовую величину (около 13 евро) в месяц, если данные денежные средства имеются у них на счёту. Условия там чуть легче, чем в ШИЗО (на ночь выдают матрас и одеяло), но там тоже очень холодно (иногда температура настолько низкая, что изо рта заключённых идёт пар).

Одним из унизительных видов наказания в ИК-4 является помещение осуждённой в клетку при входе в здание фабрики. Клетка представляет собой пространство $\times$ м, с железными решётками вместо стен. Туда помещали женщин для публичного порицания на срок до 3 часов, невзирая на время года и погоду. Одна из респонденток сообщила, что видела, как в ноябре в тёмное время суток в клетке находилась женщина. Клетка находится фактически на всеобщем обозрении: она располагается таким образом, что другие осуждённые, которые идут на работу, видят находящуюся там женщину. В результате подобное наказание не только причиняет физический дискомфорт, но и унижает человеческое достоинство. В некоторых случаях в клетку помещают женщин, которым было назначено взыскание в виде ШИЗО. Такие женщины фактически подвергаются взысканию дважды: сначала их помещают в клетку, а затем – в ШИЗО. Подобный унизительный вид наказания применяется только в этой женской исправительной колонии. В ИК-24 вместо клетки использовали прогулочный дворик для лиц, содержащихся в ПКТ. Туда помещали женщин даже зимой и без верхней одежды.

Дискриминация в понимании Конвенции охватывает насилие, совершённое над женщиной в силу того, что она – женщина, или насилие, которое оказывает на женщин несоразмерное воздействие. Это включает в себя действия, причиняющие ущерб или страдания физического, психического или полового характера, а также угрозы таких действий, принуждение и иные формы ущемления свободы¹⁷.

Насилие в отношении женщин, которое ограничивает или полностью лишает их возможности реализовывать права человека и основные свободы, закреплённые международным правом и договорами по правам человека, рассматривается как дискриминация в контексте статьи 1 Конвенции¹⁸. К этим правам относится и право не подвергаться пыткам и жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания¹⁹.

Вынужденное нахождение в холодной камере, лишение нормального сна и отсутствие одежды, соответствующей температурному режиму, принудительное помещение в клетку, длительное содержание на улице без соответствующей одежды, является бесчеловечным обращением, а в некоторых случаях может представлять собой пытки. Законодательно закреплённый запрет на выдачу постельных принадлежностей (матраса, одеяла, подушки) в ШИЗО свидетельствует о том, что государство сознательно сделало невозможность нормального сна частью системы наказания, что тоже можно квалифицировать как бесчеловечное обращение. Это свидетельствует о нарушении Беларусью своих обязательств по статьям 2 (а), (б), (д), (е) и (ф), 3 и 5 (а), в совокупности с положениями статьи 1 Конвенции.

III. Ненадлежащие условия содержания беременных женщин и матерей

Некоторые респондентки были заключены под стражу или отбывали наказание совместно с беременными и (или) родившими женщинами. Исходя из полученной информации, беременных женщин, которые отбывают наказание в ИК-24, переводят в ИК-4 ещё до родов. В ИК-4 есть дом матери и ребёнка, где могут находиться дети до 3 лет. В ИК-24 такого дома нет, поэтому женщины, имеющие детей до 3 лет, переводятся в ИК-4.

Согласно Правилу 28 Правил Нельсона Мандэлы «женские тюремные учреждения должны располагать особыми помещениями для необходимого лечения и ухода за беременными женщинами и роженицами. Там, где это возможно, следует заботиться о том, чтобы роды происходили не в тюремной, а в гражданской больнице». Правила 48 (1) Бангкокских правил устанавливают, что «беременные или кормящие женщины-заключённые получают консультации, касающиеся их здоровья и питания, в рамках программы, которая разрабатывается и контролируется квалифицированным специалистом-медиком. Беременным женщинам, младенцам, детям и кормящим матерям бесплатно предоставляется надлежащее и своевременное питание и создаются благоприятные для здоровья условия и возможности для регулярного занятия физическими упражнениями».

¹⁸ Ibid, § 7.

¹⁹ Ibid, § 7.

Статья 12 (2) Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин обязывает государства обеспечивать женщинам «соответствующее обслуживание в период беременности, родов и послеродовой период, предоставляя, когда это необходимо, бесплатные услуги, а также соответствующее питание в период беременности и кормления».

Исходя из свидетельств бывших заключённых, права беременных женщин повсеместно нарушаются. К примеру, одна из респонденток рассказывала, что в ИК-4 беременные и недавно родившие женщины были вынуждены вместе со всеми стоять на проверках. При этом администрация не принимала во внимание ни невозможность женщины на поздних сроках беременности стоять длительное время, ни наличие проблем со здоровьем у недавно родившей женщины. Одна из респонденток рассказывала про женщину, которую заставили стоять во время проверки под дождём, без зонта и дождевика, несмотря на её беременность. Недавно родившие женщины могли получить освобождение от тяжёлой работы только после гинекологического осмотра, на который было сложно записаться. Юридически осуждённые беременные женщины привлекаются к работам без оплаты труда по их желанию (ч. 2 ст. 101 УИК)²⁰, но фактически они вынуждены выполнять такие работы («дежурить») вне зависимости от их желания.

Опрошенные респондентки сообщили, что во всех известных им случаях беременным женщинам во время схваток вызывали «Скорую помощь», и женщины рожали в гражданских больницах, что соответствует Правилам Нельсона Мандэлы. Тем не менее, к некоторым роженицам применялись наручники при конвоировании в больницу. По словам одной из респонденток, женщину из её отряда конвой привёз в больницу и приковал наручниками к креслу для родовспоможения — и женщина рожала, будучи прикованной.

Подобная практика является по своей сути бесчеловечной и нарушает не только международные стандарты, но и национальное законодательство, которое запрещает «применение специальных средств в отношении женщин с видимыми признаками беременности, за исключением случаев совершения ими вооружённого либо группового нападения или иных действий, угрожающих жизни или здоровью граждан» (ч. 3 Закона «Об органах внутренних дел Республики Беларусь»; ч. 3 ст. 77 УИК)²¹.

В условиях лишения свободы нарушаются права не только беременных женщин, но и матерей. Беларусское законодательство предоставляет возможность женщинам находиться с детьми до достижения ими возраста 3 лет в условиях СИЗО и в исправительной колонии.

При этом, по словам респонденток, в ИК-4 родивших женщин возвращают из гражданской больницы обратно в колонию через несколько дней (2–3 дня) после родов, в то время как ребёнок остаётся в больнице примерно три-четыре недели.

²⁰ <https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=HK0000365>.

²¹ Ibid.

Правило 48 (2) Бангкокских правил обязывает государства не препятствовать женщинам-заключённым заниматься грудным вскармливанием своих детей, «если только для этого нет особых противопоказаний медицинского характера». Однако подобная практика, при которой ребёнка привозят в исправительную колонию, где находится его мать, только примерно через месяц после родов, не даёт возможность женщинам сохранить лактацию и беспрепятственно кормить своих детей грудью. В дальнейшем многие женщины пытаются сцеживать грудное молоко, чтобы персонал колонии кормил их детей грудным молоком, однако из-за тяжёлых условий труда и из-за разлуки с детьми в первые недели после родов у многих женщин есть проблемы с лактацией.

После того, как ребёнка привезут в ИК-4, его помещают в дом матери и ребёнка. Правило 29 (1а) Правил Нельсона Мандэлы требует, что «там, где детям разрешено оставаться в тюрьме с одним из родителей, необходимо обеспечить наличие внутренних или внешних служб по уходу за детьми, располагающих квалифицированным персоналом, куда детей следует помещать в периоды, когда они не пользуются заботой со стороны своих родителей». Тем не менее, беларусское законодательство предусматривает, что осуждённые женщины могут общаться со своими детьми в доме матери и ребёнка «в свободное от работы время без ограничений» (ч. 1 ст. 95 УИК)²². Таким образом, международные стандарты исходят из приоритета материнской заботы за ребёнком, в то время как беларусское законодательство, наоборот, отдаёт приоритет уходу за ребёнком со стороны персонала учреждения.

Часть 1 ст. 95 УИК предусматривает, что женщинам может быть разрешено совместное проживание с детьми в домах матери и ребёнка исправительных учреждений²³. При этом в реальности, как поясняли респондентки, в первый год после родов женщины в принципе не могут попасть в дом матери и ребёнка. Если на женщину по какой-либо причине был «составлен рапорт» (т. е. если она была привлечена к ответственности за какие-либо нарушения дисциплины), то это сразу лишает женщину возможности получить разрешение на проживание в доме матери и ребёнка. В результате, по словам опрошенных бывших заключённых, администрация колонии может легко манипулировать молодыми матерями, и таких женщин с помощью шантажа детьми легче склонить к сотрудничеству с администрацией.

Таким образом, законодательство и практика его применения в беларусских колониях ограничивают права женщин на материнский уход, на общение со своими детьми, на выбор способов их кормления и воспитания. Подобное ограничение основано не на заботе об интересах детей, а на стереотипных представлениях о том, что в места несвободы не попадают женщины, которые ведут себя «правильно», и, раз женщина находится в местах несвободы, то она плохая мать, не способна позаботиться о ребёнке, и государство лучше знает, каким образом за ним ухаживать.

²² <https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=HK0000365>.

²³ Ibid.

В своей практике КЛДЖ отмечал, что отсутствие адекватных услуг по охране материнского здоровья в государстве-участнике, явно не отвечающее конкретным и особым медицинским потребностям и интересам женщин, является нарушением статьи 12 (2) Конвенции и дискриминацией в отношении женщин в соответствии со статьёй 12 (1) и статьёй 2 Конвенции²⁴. Также КЛДЖ указывал, что может быть признано акушерским насилием, и, следовательно, дискриминацией, в отношении женщин: проведение медицинских манипуляций без согласия женщины, разлучение с новорождённым, что делает невозможным контакт «кожа к коже»²⁵, оскорбление достоинства, злоупотребления и жестокое обращение²⁶, и иные факты. Отсутствие надлежащего медицинского обслуживания в период беременности, родов и послеродовой период указывают на нарушение государством статей 2 (b), ©, (d) и (f), 3, 5 и 12 Конвенции. Стереотипные, а, следовательно, дискриминационные представления о том, что забота о детях должна быть институционализирована и передана государственному учреждению вместо матери-заключённой, представляют собой нарушения статьи 5 Конвенции.

IV. Одежда и обувь для осуждённых женщин

Статья 73 (3) УИК закрепляет обязанность осуждённых женщин носить одежду установленного образца, выдаваемую в исправительной колонии²⁷. Согласно нормативно закреплённому перечню одежды в колонии²⁸ женщины-заключённые в Беларуси вынуждены носить в числе прочего розовые платья (часто с цветочным узором), платья-костюмы, юбки, розовые косынки, платки, туфли, колготки, блузы.

Согласно нормам женщинам выдаются трикотажные брюки (фактически это тонкие леггинсы); тёплые брюки женщинам не выдаются. Ежедневно по громкоговорителю в колонии объявляют, какую форму одежды сегодня обязаны надеть женщины. В колонии установлено 4 формы: первая – платье, вторая – платье с пиджаком, третья – костюм (юбка и пиджак) и четвёртая – телогрейка (в дополнение к одной из трёх вышеперечисленных форм одежды). Отдельно оговаривается, можно ли поддеть под разрешённую форму колготы/леггинсы. Самовольно менять форму одежды нельзя, это нарушение, за которое осуждённых помещают в ШИЗО. Таким образом, независимо от выполняемой работы, температуры на улице, у женщин отсутствует возможность надеть брюки или ту форму одежды, которая им удобнее.

²⁴ [CEDAW/C/49/D/17/2008](https://cedaw.org/countries/133/149/17/2008), п.7.6

²⁵ [CEDAW/C/82/D/149/2019](https://cedaw.org/countries/133/82/149/2019), п.15.7

²⁶ [CEDAW/C/84/D/154/2020](https://cedaw.org/countries/133/84/154/2020), п.7.2

²⁷ <https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=HK0000365>.

²⁸ Приложение к постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 28.04.2010 № 632 «Об установлении норм вещевого довольствия осуждённых, отбывающих наказание в исправительных учреждениях и арестных домах».

В перечне выдаваемой одежды отсутствуют варежки или перчатки, при этом женщины часто привлекаются к уборке снега. При отсутствии денежных средств на счёт и посылок извне заключённые женщины в холодный период времени вынуждены выполнять работы на улице голыми руками.

Обувь для женщин в колонии представляет собой зимой кирзовые ботинки без какого-либо утеплителя и туфли-лодочки для тёплого времени года. Обувь вся из дерматина, неудобная, жёсткая. Респондентки упоминали, что эта обувь натирает ноги и приводит к образованию мозолей. Обувь, которую предоставляет колония в качестве зимней, рассчитана на среднестатистическую тёплую осень. Даже при температуре чуть ниже нуля она нисколько не защищает от холода. В ботинках стельки тонкие, недерживают тепло, женщины называют их «бумажными». К стельке многие приклеивают прокладки, чтобы было теплее и мягче. Но в мороз никакая прокладка не помогает сохранить тепло. В колонии разрешена своя обувь, но не все женщины имеют поддержку и помочь извне.

Также установленная форма одежды и обуви не позволяет женщинам согреться при проведении проверок, которые происходят каждый день и могут занимать от 20 до 50 минут. Данная форма одежды для женщин не только не учитывает физиологические особенности женского организма, но и способствует появлению простуд и заболеваний гинекологического спектра из-за переохлаждения.

Фотография Полины Шаренко-Панасюк

Предусмотренная форма одежды (особенно пиджак и юбка-карандаш) сильно сковывает движения. Неприспособленность женской формы одежды в отличие от мужской (костюм хлопчатобумажный, рубаха и кальсоны нательные) особенно сильно ощущается в момент выполнения таких физических работ как чистка снега, уборка внутренних территорий колонии. Также установленная форма одежды неудобна при работе на швейной фабрике (основной вид занятости для женщин-заключённых), летом при работе за швейной машинкой женщина вынуждена для комфортной работы высоко подтягивать низ платья или юбки, при этом видно нижнее белье.

В колонии выдают один комплект одежды, при загрязнении нет возможности переодеться в чистое, а мокрую одежду запрещено сушить на батарее. Это зачастую вынуждает женщину надевать ещё влажную одежду, в том числе находиться в ней на проверках на улице в мороз, поскольку отсутствие надлежащей формы одежды может повлечь взыскание.

Предусмотренная для женщин форма одежды в местах лишения свободы в Беларуси отражает гендерные стереотипы, основанные на традиционных представлениях о «женственности». Обязательное ношение юбок, платьев и косынок, а также розовый цвет формы с цветочным узором не имеют практического обоснования вследствие неудобства при ношении и быстрого загрязнения. Такая практика является дискриминационной и нарушающей обязательства государства, предусмотренные статьями 2 (e), (f), (g) и 5 Конвенции.

Также отдельная форма одежды предназначена для нахождения женщин в ШИЗО исправительных колоний. Данная форма зачастую очень сильно изношена, ткань тонкая из-за длительной носки. Иногда специально выдают комплект одежды на размер меньше, чтобы невозможно было укутаться в холодном помещении ШИЗО. При этом под пиджак порой разрешают надеть только майку на бретельках, что в условиях холодной камеры в ШИЗО не даёт женщине возможности согреться. Ночью женщины испытывают проблемы со сном: из-за холода в камере, отсутствия достаточно тёплой одежды и вынужденного нахождения на деревянных нарах, обитых железом, без матраса, одеяла и белья. Женщины могут засыпать на время, но потом просыпаются от холода, пытаются согреться с помощью физических упражнений, чтобы снова заснуть на короткий период времени.

Несоответствие предусмотренной формы одежды для женщин температуре помещения в ШИЗО приводит к отсутствию нормального сна, что может приравниваться к пыткам. Обращение, которому подвергаются женщины, является дискриминацией на основе пола в рамках значения статьи 1 Конвенции и представляет собой нарушение Беларусью её обязательств согласно статьям 2 (a), (b), (d), (e) и (f), 3 и 5 (a), прочитанным совместно со статьёй 1 Конвенции.

V. Принудительные работы и ненадлежащие условия труда

Исходя из пункта 83 Правил внутреннего распорядка мест отбывания административного ареста арестованные могут быть привлечены к уборке камер (карцеров) и других помещений в порядке очерёдности. Как рассказывала одна из респонденток, в ЦИП г. Минска женщины самостоятельно убирали свои камеры, но иногда им предлагали убрать пустые камеры и общие помещения. В основном женщины согласны заниматься уборкой общих помещений, т.к. после уборки их выводят в прогулочный дворик: в отсутствие ежедневных прогулок это единственная возможность подышать свежим воздухом (и покурить для курящих женщин). При этом уборка, в том числе на улице, может использоваться и как наказание за ненадлежащее поведение, как случилось с сокамерницей одной из респонденток.

Осуждённые к лишению свободы могут привлекаться к выполнению работ без оплаты труда только по коллективному самообслуживанию, в том числе по уборке и благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий (ч. 1 ст. 101 УИК)²⁹. В колониях подобные работы называются «дежурствами» и практически все женщины привлекаются к ним, даже те, которые должны выполнять работы «по желанию» (беременные, пенсионерки, женщины с инвалидностью I и II групп). Даже если женщины юридически имеют право отказаться от работ, фактически реализовать это право они не могут. К указанным работам осуждённые привлекаются в порядке очерёдности в свободное от работы время; продолжительность работ не должна превышать четырнадцати часов в неделю (ч. 3 ст. 101 УИК)³⁰. В действительности же подобные нормы часто нарушаются.

При этом работы по коллективному самообслуживанию часто не соответствуют состоянию здоровья и возрасту женщин. Осужденные могут чистить картошку, убирать спальни и коридоры, убирать снег на улице (голыми руками, если у них нет своих личных перчаток), разгружать машины с песком и т.п.

В ИК-4 находится швейная фабрика, и практически все осуждённые работают там. Респондентки, которые работали на швейном производстве, рассказывали, что в рабочих помещениях были окна, но вентиляция работала плохо, и в помещениях почти всегда не было свежего воздуха. Бывшие осуждённые также сообщали о плохом освещении в швейном цеху. Из-за плохого обустройства рабочих мест и отсутствия надлежащей вентиляции зимой в цеху холодно, а летом – жарко. Респондентка, работавшая с утюгами на производстве, говорила о жаре и высокой влажности, из-за которых также было тяжело работать. Другая респондентка рассказывала, что работала с тканями, пропитанными какими-то химическими веществами. Никаких перчаток и прочих защитных средств женщине не выдавали, и из-за работы с данными тканями у неё началось раздражение кожи, интенсивное шелушение и трещины на руках.

²⁹ <https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=HK0000365>.

³⁰ Ibid.

Справка передана одной из респонденток

РЕСПУБЛИКАНСКОЕ
УНИТАРНОЕ
ПРЕДПРИЯТИЕ
№ 4
240039, г. Минск,
ул. Академика Зиновьева, 3

ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ
УНИТАРНОЕ
ПРЕДПРИЯТИЕ
№ 4
240039, г. Минск,
ул. Академика Зиновьева, 3

№

№

Штамп организации

Исходящий номер

Приложение 5
к постановлению
Министерства труда
и социальной защиты
Республики Беларусь
30.11.2006 № 149

СПРАВКА

**о среднем заработке (доходе) за последние 12 месяцев работы
для представления в орган по труду, занятости и социальной защите
гор(рай)исполкома**

гражданина(ю)
работавшего(ей) Республиканское производственное унитарное предприятие "№ 4"
(наименование организации)
в качестве Швея 3 разряда
(профессия рабочего, должность служащего)

№ п/п	Месяц, год	Заработка плата	Примечание
1	2	3	4
1	Декабрь	54,20	
2	Январь	59,08	
3	Февраль	28,73	
4	Март	68,31	
5	Апрель	76,20	
6	Май	67,40	
7	Июнь	58,72	
8	Июль	48,88	
9	Август	63,45	
10	Сентябрь	105,22	
11	Октябрь	64,70	
12	Ноябрь	94,72	

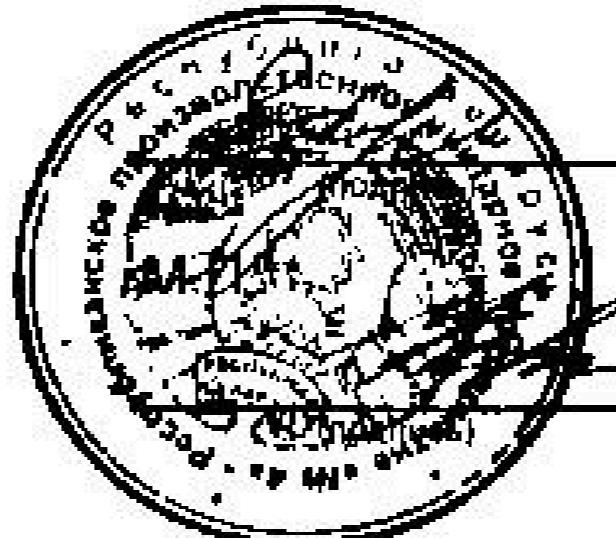
ИТОГО 789,61 руб. (Семьсот восемьдесят девять рублей 61 копейка)

Средний заработок*, руб. 65,80

Количество оплачиваемых календарных недель 12 в течение 12 месяцев работы перед днем увольнения на условиях полного рабочего дня (недели) или условиях неполного рабочего дня (недели) с пересчетом на количество календарных недель с полным рабочим днем (неделей).

Генеральный директор

(фамилия, собственное имя, отчество (если таковое имеется))

Главный бухгалтер

(фамилия, собственное имя, отчество (если таковое имеется))

* Среднемесячный заработок исчисляется в соответствии с актами законодательства Республики Беларусь.

** За исключением субъектов хозяйствования, именующих в соответствии с законодательными актами право не использовать печать.

В ИК-24 женщины могут работать на швейном производстве, в теплицах, хлебопекарне. Опрошенная респондентка рассказывала про жару и пар в гладильном цеху. В некоторых частях производства были резкие химические запахи, но женщины работали без какой-либо защиты от них.

Помимо основной работы осуждённые женщины часто привлекаются к так называемой «разнарядке» – дополнительным неоплачиваемым работам. Теоретически такие работы женщины выполняют добровольно, по собственному желанию, но в действительности отказ от «разнарядок» может повлечь привлечение к ответственности. Часто женщины вынуждены работать на «разнарядке», т.к. на основной работе есть определённые нормы выработки, которые в действительности сложно выполнить в рабочее время. Из-за «разнарядок» женщины часто работают без выходных или более 8 часов в день. К примеру, одна из респонденток рассказывала, что весь её отряд могли отправить на «разнарядку» с 05:00 до 14:00, а затем – на работу на полный рабочий день во вторую смену.

Кроме того, подобные работы оплачиваются по очень низким расценкам. Зарплата у осуждённых гораздо ниже минимальной зарплаты по Беларуси, и из неё администрация вычитает расходы на содержание женщин, на выдаваемую одежду и т.п. К примеру, одна из респонденток рассказала, как, вырабатывая все требуемые нормы, за месяц получила зарплату около 28 евро. У другой респондентки, которая несколько лет работала на швейной фабрике и выполняла все нормы, была зарплата примерно 90 евро. Некоторые женщины не выполняют нормы по различным причинам: в связи с плохим зрением, неумением шить или же принципиальным отказом от шитья формы, которую в дальнейшем будут носить представители беларусских силовых ведомств. В результате их заработка ещё меньше, чем у других осуждённых (к примеру, одна из респонденток рассказывала про зарплату в 2 рубля – примерно 0,6 евро).

Описанные практики нарушают часть 1 (f) статьи 11 Конвенции, поскольку женщины привлекаются к труду во вредных условиях, без соблюдения норм охраны труда и рабочего времени. Также имеет место нарушение статьи 2 (e), (f), 5 и 12 Конвенции.

VI. Взаимопересекающиеся формы дискриминации

Дискриминация в отношении женщин по признаку пола и гендерной принадлежности неразрывно связана с другими факторами, оказывающими влияние на женщин, такими как раса, этническая принадлежность, религия или убеждения, состояние здоровья, социальный статус, возраст, класс, каста, сексуальная ориентация и гендерная идентичность. Дискриминация по признаку пола или гендерной принадлежности может сказываться на женщинах, принадлежащих к таким группам, в разной степени и совершенно иначе, нежели на мужчинах³¹.

³¹ Общая рекомендация № 28, касающаяся основных обязательств государств-участников по статье 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, CEDAW/C/GC/28, п.18

Правило 2 (1) Правил Нельсона Мандель установливает запрет на «дискриминацию по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религиозных, политических или других убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства». Эта же норма закрепляет обязанность «уважать религиозные убеждения и моральные установки заключённых».

Условия, в которых содержатся женщины в беларусских местах лишения свободы, сами по себе являются дискриминационными, однако многие женщины сталкиваются с дополнительными формами дискриминации в связи с иными признаками.

а. Предполагаемые политические взгляды

Многие опрошенные женщины были лишены свободы по политически мотивированным мотивам. Практически все из них сообщали, что отношение к ним со стороны сотрудников отличалось в худшую сторону по сравнению с иными заключёнными женщинами. В нарушение Правила 2 Правил Нельсона Мандель особое давление оказывается на женщин, которых государство воспринимает как противниц действующего режима. Особенно это проявляется в местах отбывания административных арестов или в местах содержания задержанных по уголовным или административным делам. К примеру, женщины, которые отбывали административные аресты в ЦИП в г. Минске, рассказывали о существовании «политических» и «неполитических» камерах. В «политических» камерах женщинам целенаправленно ухудшают условия содержания даже по сравнению с женщинами, содержащимися в «неполитических» камерах. Респондентки, которые во время административного ареста содержались как в «политических», так и в «неполитических» камерах, рассказывали про значительную разницу в условиях содержания и отношении со стороны сотрудников. К примеру, женщин, содержащихся в «политических» камерах, будят два раза за ночь каждую ночь, в то время как к женщинам, содержащимся в «неполитических» камерах, таких мер не предпринимают. Камеры переполнены в обоих случаях, но, как отметила одна из респонденток, «одно дело, когда в четырехместной «неполитической» камере восемь человек, а другое, когда в двухместной «политической» – двадцать». В «политических» камерах женщинам никогда не выдают матрасы, в то время как в «неполитических» часто матрасы есть. Содержащимся в «политических» камерах приходится прилагать гораздо больше усилий, чтобы уговорить сотрудников выдать мыло и туалетную бумагу. В холодное время года в ЦИП г. Минска у женщин, арестованных по политическим мотивам, отбирали тёплые вещи, в том числе куртки, в то время как женщины, арестованные по иным причинам, имели при себе тёплую одежду. В «политические» камеры администрация ЦИП специально помещала бездомных женщин, часто с особенностями психического здоровья, без какой-либо гигиенической обработки и проверки на педикулёз. В камере одной из респонденток находились сразу две такие женщины, которые категорически отказывались подмываться, а одна из них даже не ходила в туалет, а мочилась под себя. Из общения с персоналом респондентке было очевидно, что этих женщин поместили в её камеру, чтобы ухудшить условия содержания арестованных по политическим мотивам.

Одна из респонденток рассказывала, что в ИВС г. Могилёва её с сокамерницей постоянно переводили из одной камеры в другую с целью морального давления. В один день женщины содержались в камере с работающими туалетом и умывальником, в другой их переводили в камеру с неработающими туалетом и умывальником, на третий день их возвращали в первую камеру, на четвёртый день снова отправляли во вторую камеру и т.д.

Женщины, задержанные по административным делам и отбывавшие административные аресты, упоминали такое обращение к ним со стороны персонала, как «контрольное». Таким образом, сотрудники прямо указывали, что женщины находились на особом контроле со стороны администрации. Это только подтверждает, что ухудшение положения женщин, лишённых свободы по политическим мотивам, является целенаправленной политикой администраций мест несвободы.

Респондентки, которые были лишены свободы по уголовным политически мотивированным делам, отмечали, что все они были поставлены на учёт как «склонные к экстремизму» в СИЗО или колонии. Это налагало на них дополнительные ограничения и повышенное внимание со стороны администрации. Респондентки рассказывали, что в ИК-4 у них не было доступа к культурно-досуговой деятельности, им не разрешалось посещать часовню и тренажёрный зал.

В следственных изоляторах и исправительных колониях «политические» обязаны занимать второй ярус кровати (верхние нары), невзирая на возраст и проблемы со здоровьем. Одна из респонденток рассказала, что у её сокамерницы, осуждённой по политически мотивированному делу, были проблемы с тазобедренным суставом. Женщина без посторонней помощи не могла забираться на верхние нары и была вынуждена каждый вечер просить помощи у своих сокамерниц. Однажды ночью женщина была вынуждена слезть, чтобы сходить в туалет, но забраться на второй ярус кровати она уже не смогла, поскольку все спали и не могли ей помочь. В результате женщина была вынуждена провести ночь, сидя на полу камеры. При этом в камере были свободны нижние нары, но занимать их было нельзя: за нарушение грозило наказание в виде водворения в штрафной изолятор. Другая респондентка сообщила, что в СИЗО г. Бреста политических заключённых 1 раз в неделю водили на полный личный обыск с раздеванием, в то время как других заключённых не подвергали такой процедуре.

В ИК-4 борьба с предполагаемыми политическими оппонентками привела к практике давления на заключённых, выражавшейся, в частности, в принуждении к изменению татуировок, признанных администрацией колонии «неправильными». Причём «неправильными» могут быть признаны совершенно разные татуировки: от цифр «23.34» (номер статьи, устанавливавшей ответственность за нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий в старой редакции Кодекса об административных правонарушениях, и по которой судили множество людей) до кельтских рун. При этом изменением татуировок занималась одна из заключённых, имевшая ВИЧ и гепатит, без надлежащей дезинфекции и медицинского контроля, без профессиональных условий для проведения подобных манипуляций.

Таким образом, в местах несвободы женщины могут подвергаться дополнительной дискриминации в связи с их имеющимися или предполагаемыми политическими убеждениями.

Рисунок Полины Шаренко-Панасюк

b. Язык, этническое происхождение и раса

Респондентки заявляли, что сотрудники мест несвободы часто оказывают большее давление на женщин, воспринимаемых ими как представительниц этнических меньшинств. В частности, бывшие заключённые ИК-4 рассказывали о предвзятом отношении к женщинам-рома: женщинам запрещалось разговаривать на своём национальном языке даже между собой, и, если сотрудники слышали, как женщины ведут личную беседу на родном языке, они тут же начинали требовать, чтобы женщины разговаривали по-русски. Одна из респонденток рассказывала, что за несколько лет, проведённых в колонии, они ни разу не видела женщин-рома, к которым применили бы условно-досрочное освобождение, и, по словам респондентки, для всех было очевидно, что подобное решение было связано именно с этническим происхождением этих женщин.

Одна из респонденток рассказывала о расистских комментариях одного из должностных лиц в колонии, которые он адресовал осуждённой со смуглой кожей.

Отдельно также следует отметить давление на женщин в связи с использованием беларусского языка. Несмотря на то, что государственными языками Беларуси наравне являются русский и беларусский языки, сфера употребления последнего значительно сужается в связи с длительной и планомерной политикой государства.

С 26 января 1990 года беларусский язык был провозглашён единственным государственным языком в Беларуси (на тот момент – Белорусской Советской Социалистической Республики). После обретения независимости беларусский язык оставался единственным государственным до 1995 года, когда по инициативе А. Лукашенко с многочисленными нарушениями был проведён референдум, который придал русскому языку статус государственного наравне с беларусским. Фактически же с 1995 года политика государства направлена на уничтожение беларусского языка. Если в 1993–1994 учебном году 76% первоклассни:ц в Беларуси и 58,6% в Минске обучались на беларусском языке, то через два года эти цифры сократились до 37,9% первоклассни:ц в стране и 19,5% в Минске³². В 2021 году только 10,2% всех учащихся обучались на беларусском языке. В 2020–2021 учебном году в высших учебных заведениях на беларусском языке получали образование 0,2% студенто:к, 0,1% учащихся в среднеспециальных заведениях и 9% дошкольни:ц³³. По итогам переписи населения в 2019 году из 7 990 719 этнических беларусо:к только 2 275 243 сказали, что используют беларусский язык дома³⁴.

ЮНЕСКО описывает языковой статус беларусского языка в Беларуси как «потенциально уязвимый»³⁵.

В результате планомерно проводимой политики государства использование беларусского языка в повседневной жизни постоянно сокращается, и беларусскоязычные люди часто воспринимаются как «оппозиция». Некоторые беларусскоязычные респондентки говорили, что видели предвзятое отношение к себе со стороны администрации именно в связи с использованием беларусского языка. Некоторые опрошенные женщины, для которых беларусский является привычным языком общения, в местах несвободы вынужденно переходили на русский, чтобы не привлекать внимания и избегать давления. Все документы в местах несвободы (например, образцы заявлений, правила внутреннего распорядка) составлены только на русском языке.

³² <https://spring96.org/be/news/5133>.

³³ <https://www.dw.com/ru/kak-lukashenko-reshil-haipanut-na-belorusslom-jazyke/a-60661788>.

³⁴ <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/e2c/jpupn3rl7trtmxepj6vmh07qu6u5o09i.pdf>.

³⁵ <https://en.wal.unesco.org/countries/belarus/languages/belarusian>.

с. Инвалидность и хронические заболевания

Согласно Правилу 2 (2) Правил Нельсона Мандэлы необходимо принимать меры для защиты и поощрения прав заключённых с особыми потребностями, и такие меры не должны считаться дискриминационными. Правило 5 (2) Правил Нельсона Мандэлы предусматривает необходимость принимать «все разумные меры по размещению и адаптации для обеспечения того, чтобы заключённые с физическими, психическими или иными недостатками имели полный и эффективный доступ к жизни в тюрьме на равноправной основе».

Тем не менее, женщины с инвалидностью и иными проблемами со здоровьем не получают необходимую помощь и часто подвергаются дополнительной дискриминации в связи с их диагнозом.

К примеру, одна из респонденток рассказывала, что на швейном производстве в ИК-4 женщины с ВИЧ и гепатитом работали за отдельным столом. Подобная пересадка за отдельный стол носит стигматизирующий характер и создаёт впечатление «опасности» со стороны работниц. При этом реальной защиты других осуждённых администрация колонии не обеспечивала: все острые предметы (например, ножницы) являлись общими для всех работниц.

Женщины с инвалидностью не получают разумных приспособлений от администрации мест несвободы, и даже часто не могут получить необходимые предметы от родственников из-за отсутствия разрешения от администрации. К примеру, одна респондентка рассказывала про женщину из её отряда, которая плохо ходила и нуждалась в трости и операции. Трость женщина ждала больше года, операцию за это время ей так и не сделали.

Даже получение инвалидности не гарантирует, что ограничения, связанные со здоровьем, будут соблюдаться администрацией места несвободы. Одна из респонденток, находясь в колонии, несколько месяцев добивалась направления на медико-социальную экспертизу. По результатам экспертизы, проведённой за пределами колонии, женщине была установлена инвалидность и ограничения в выполнении определённых видов работ. Несмотря на заключение экспертов, по требованию администрации колонии женщина продолжала работать. Через 2 месяца она смогла попасть на приём к врачу в колонии, который дал ей освобождение от этих работ – и только после этого женщину перестали привлекать к работам, выполнение которых ей было ранее запрещено по результатам экспертизы.

d. Пенсионный возраст

В нарушение части 2 Правила 5 Правил Нельсона Мандэлы женщинам пенсионного возраста не предоставляется разумных мер для адаптации в местах несвободы. Юридически женщин пенсионного возраста можно привлекать к труду только по их желанию (ч. 2 ст. 98 УИК)³⁶. Аналогичным образом юридически бесплатные работы по коллективному самообслуживанию, в том числе по уборке и благоустройству ИК, также осуществляются пенсионерками только по их желанию (ч. 2 ст. 101 УИК).

³⁶

<https://pravo.by/document/?guid=11031&p0=HK0000365>.

На самом же деле, как рассказывали респондентки, женщин пенсионного возраста не заставляют работать, но при этом их не освобождают от так называемых дежурств, общественной работы. Когда в одном из отрядов ИК-4 проводился ремонт, осуждённых заставляли выносить плитку, в том числе и пенсионерок. В ИК-24 женщин пенсионного возраста будили за два часа до подъёма остальных осуждённых для уборки территории от снега. Комитет относит женщин пенсионного возраста к уязвимым группам и полагает, что их потребностям и правам в области здравоохранения надо уделять особое внимание³⁷. Принудительное привлечение женщин пенсионного возраста к труду в местах лишения свободы без учёта их возраста и состояния здоровья и под угрозой наказания представляет собой форму гендерно обусловленной дискриминации и эксплуатации, подпадающую под сферу защиты статьёй 2, 5 и 12 Конвенции.

Потребности женщин пенсионного возраста также не удовлетворяются. Одна из респонденток рассказывала про пожилую женщину, которая по состоянию здоровья плохо ходила. Ей нужны были подгузники, но администрация колонии не предоставляла их. Какого-то дополнительного ухода от сотрудников колонии женщина не получала, и фактически всю заботу о ней на себя взяли другие осуждённые женщины. В этом случае усматривается нарушение статьи 12 Конвенции.

Все вышеуказанные обстоятельства говорят о нарушениях статей 2, 3, 5 (а) Конвенции. Кроме того, дискриминация за предполагаемые политические взгляды может представлять собой нарушения статьи 7 Конвенции, а отсутствие необходимых приспособлений и надлежащей медицинской помощи женщинам с инвалидностью, заболеваниями или женщинам пенсионного возраста представляет собой нарушения статьи 12 Конвенции.

VII. Обжалование условий содержания

У женщин, находящихся в местах несвободы, часто фактически нет возможности обжаловать условия содержания. К примеру, при нахождении в ЦИП и в ИВС г. Минска женщинам не выдают бумагу и ручку, и уже по этой причине они не могут подготовить жалобу. Одна из респонденток рассказала, что при нахождении в ШИЗО исправительных колоний, куда её неоднократно помещали, ей также не выдавали бумагу и ручку. Также при нахождении женщин в режиме инкомуникации нет возможности подать жалобу, поскольку администрация места несвободы блокирует всю переписку осуждённой, всю её связь с внешним миром.

³⁷ [Общая рекомендация Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин № 24: Статья 12 Конвенции \(женщины и здоровье\), п.6](#)

Вся корреспонденция в местах несвободы проверяется цензорами, даже письма адвокат:кам или жалобы в государственные органы. В результате некоторые документы даже не покидают стен колоний. Администрация ИК-4, по словам одной из респонденток, даже не отправила надзорную жалобу на приговор суда одной осуждённой, т.е. жалобу, которая никак не затрагивала режим самого исправительного учреждения. Женщины в заключении часто боятся обжаловать условия содержания, поскольку делать это через тех, кто сам причастен к созданию бесчеловечных условий содержания, бессмысленно и опасно. Женщины боятся, что обжалование условий содержания может послужить поводом для усиления репрессий и ухудшения и так бесчеловечных условий их содержания. Подобные опасения не лишены оснований: Специальный докладчик по вопросу о положении в области прав человека в Беларуси указывал, что в беларусских исправительных учреждениях распространена практика репрессий со стороны сотрудни:ц в отношении тех заключённых, которые высказывают жалобы в ходе проверок, проводимых органами прокуратуры³⁸. Одна из респонденток сообщила, что если после проверки прокуратурой администрации колонии становилось известно о поданной в прокуратуру жалобе от осуждённой, это влекло наказание в виде помещения в ШИЗО. Каких-либо анонимных и безопасных каналов подачи жалоб на условия содержания не существует.

Родственни:цы заключённых женщин также боятся подавать жалобы на условия содержания, т.к. они часто не знают об имеющихся проблемах: зная, что письма родственни:цам цензурируются, женщины предпочитают ничего не писать про ненадлежащие условия содержания. Если же люди знают о том, что происходит с их родственницей в местах несвободы, они также часто предпочитают никуда по этому не жаловаться, чтобы не сделать ей ещё хуже.

По различным причинам адвокат:ки также часто не обжалуют условия содержания, в которых находятся их клиентки. Во-первых, встречи адвокато:к и их клиенток часто проходят в отсутствие конфиденциальности, что понимают и адвокат:ки, и сами женщины, которые в таких условиях не хотят рассказывать про тяжёлые условия содержания. Во-вторых, даже если женщины рассказывают адвокат:кам про условия содержания, они часто не хотят, чтобы те подавали какие-либо жалобы, чтобы не ухудшить своё положение. И в-третьих, адвокат:ки Беларуси, которые слишком активно отстаивают интересы своих клиенток, могут сами стать жертвами репрессий со стороны государства.

Международные эксперты неоднократно указывали на усиливающееся давление на адвокато:к, защищающих людей, которым были предъявлены политически мотивированные обвинения³⁹. Адвокато:к, добросовестно выполняющих свои функции, часто лишают лицензий, подвергают задержаниям, судебному преследованию и произвольному содержанию под стражей, в результате чего их клиентки лишаются возможности оспорить своё произвольное содержание под стражей и заявить о нарушении своих прав⁴⁰.

³⁸ [A/HRC/59/59, § 28.](https://www.ohchr.org/EN/Issues/Women/Pages/Report.aspx?ReportID=100)

³⁹ [A/HRC/55/61, § 21](https://www.ohchr.org/EN/Issues/Women/Pages/Report.aspx?ReportID=100)

⁴⁰ [A/HRC/58/68, § 29.](https://www.ohchr.org/EN/Issues/Women/Pages/Report.aspx?ReportID=100)

В период с 2022 по конец 2025 года 146 адвокато:к по решению квалификационных комиссий по вопросам адвокатской деятельности были лишены лицензии⁴¹. Также более 500 адвокато:к были вынуждены сами уйти из профессии, опасаясь преследования со стороны властей⁴². С сентября 2020 года по февраль 2023 года по меньшей мере 23 адвокат:ки, представляющих оппозиционеро:к и правозащитни:ц, были произвольно лишены свободы⁴³. Как минимум 6 адвокато:к до сих пор находятся в заключении⁴⁴. Такая направленная политика преследования и запугивания адвокато:к привела к атмосфере страха в юридическом сообществе, что отрицательно влияет на способность жертв нанимать адвокат:ок и получать доступ к внутренним средствам правовой защиты.

К примеру, адвокат Андрей Мочалов был лишён адвокатской лицензии за то, что проинформировал медиа об избиении его клиентки сотрудниками Главного управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией⁴⁵. Адвокатка Юлия Юргилевич⁴⁶ была признана виновной в содействии экстремистской деятельности и приговорена к 6 годам лишения свободы⁴⁷ за передачу информации польскому телеканалу «Белсат» об исключении её из коллегии адвокатов и прекращении адвокатской лицензии, а также информацию о приговоре, вынесенном в отношении её клиента⁴⁸.

Адвокат:ки, практикуя в таких условиях, боятся рассказывать о нарушениях прав их клиенток даже их родственни:цам и не рисуют подавать жалобы, чтобы самим не быть произвольно лишёнными свободы.

Ратифицируя Конвенцию или присоединяясь к ней, государства-участники обязуются включить Конвенцию в свои внутренние правовые системы либо так или иначе придать ей соответствующую юридическую силу в рамках своего внутреннего законодательства с целью обеспечения возможности обязательного исполнения её положений на национальном уровне⁴⁹.

⁴¹ <https://www.defendersbelarus.org/>.

⁴² <https://www.defendersbelarus.org/page67431057.html>.

⁴³ <https://redress.org/storage/2023/10/Systemic-ISSUES-THE-EXHAUSTION-OF-LOCAL-REMEDIES-IN-BELARUS-3.pdf>.

⁴⁴ <https://www.defendersbelarus.org/news/tpost/h1toggian1-maksim-znak-na-svobode> 13 декабря был отпущен и депортирован из Беларуси адвокат Максим Знак в числе других 123 политических заключённых.

⁴⁵ <https://spring96.org/ru/news/105756>.

⁴⁶ <https://prisoners.spring96.org/en/person/julija-jurhilevicz>.

⁴⁷ <https://ru.belsat.eu/80868051/stalo-izvestno-v-chem-obvinyayut-zhurnalista-pavla-mozhejko>.

⁴⁸ <https://prisoners.spring96.org/en/person/ales-puszkin>

⁴⁹ Общая рекомендация № 28, касающаяся основных обязательств государств-участников по статье 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, CEDAW/C/GC/28, п.31

В Беларуси же положения Конвенции фактически не имплементированы во внутреннюю правовую систему. Право человека обратиться в суд с заявлением об устранении дискриминации закреплено в Трудовом кодексе (статья 14); определение различных видов дискриминации также имеется в Законе «О правах инвалидов и их социальной интеграции».

Возможность обжаловать дискриминацию прямо предусмотрена исключительно в вышеуказанных актах. Ни один нормативно-правовой акт Беларуси не закрепляет понятие дискриминации в отношении женщин и не устанавливает механизм защиты от подобной дискриминации. В результате, при обжаловании дискриминационных условий содержания женщины сталкиваются с правовой неопределенностью и невозможностью ссылаться на конкретные нормы. Отсутствие в национальном законодательстве общего определения дискриминации в отношении женщин и её форм, а также соответствующих механизмов правовой защиты, делает существующие способы судебной защиты неэффективными.

Таким образом, в Беларуси женщины, находящиеся в местах несвободы, лишены эффективного средства правовой защиты.

VIII. Рекомендации

Считаем необходимым для Беларуси принятие следующих мер:

1. принятие антидискриминационного законодательства, закрепляющего определение дискриминации в отношении женщин, формы такой дискриминации и эффективные средства защиты от дискриминации;
2. обеспечение женщинам в местах несвободы возможности безопасной и анонимной подачи жалоб на условия содержания, действия персонала или другие нарушения их прав;
3. проведение надлежащих расследований жалоб на условия содержания женщин в местах несвободы и привлечение к ответственности виновных лиц;
4. прекращение всех практик, представляющих собой пытки, жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание женщин в местах несвободы, включая повторяющееся произвольное лишение свободы и содержание в режиме инкомуникадо;
5. обеспечение специального образования персонала в местах несвободы по темам недискриминации и борьбы с гендерным насилием;
6. имплементация в национальное законодательство международных стандартов касательно условий содержания женщин в местах несвободы (в том числе Правил Нельсона Мандэлы и Бангкокских правил), а именно возложение заботы о заключённых женщинах только на женщин-сотрудниц, обеспечение проведения обысков заключённых женщин сотрудниками-женщинами, прошедшими специальную подготовку,

с соблюдением уважения к достоинству заключённых и с использованием способов, наименее вторгающихся в личное пространство женщин;

7. обеспечение заключённым женщинам свободы от всех форм сексуализированного насилия и домогательств;
8. обеспечение заключённым женщинам неограниченного количества средств и принадлежностей, необходимых для удовлетворения их специфических гигиенических потребностей;
9. обеспечение надлежащих санитарно-гигиенических условий, включая доступ к воде, в том числе горячей, и душу по мере необходимости, мылу, шампуням, зубным щёткам и пастам, туалетной бумаге и т.п.;
10. обеспечение надлежащих условий размещения женщин во всех местах несвободы, в том числе ликвидация переполненности камер, обеспечение женщин чистыми постельными принадлежностями и их регулярная замена;
11. предоставление заключённым женщинам качественного медицинского обслуживания на уровне общегражданских стандартов, а именно: обеспечение непрерывного лечения хронических заболеваний и приёма лекарств, своевременного доступа к гинекологической помощи, незамедлительного направления заключённых женщин в гражданские организации здравоохранения при необходимости;
12. обеспечение специализированного ухода за заключёнными женщинами с хроническими заболеваниями, инвалидностью, женщинами пенсионного возраста, беременными и кормящими матерями; предоставление разумных приспособлений в случае необходимости;
13. фактическое признание приоритета материнского ухода за детьми, обеспечение возможности совместного проживания с детьми по желанию матерей;
14. обеспечение заключённых женщин всей необходимой, качественной, чистой, сменяемой одеждой, соответствующей сезону и не транслирующей гендерные стереотипы;
15. фактическое предоставление заключённым женщинам права на приобретение необходимых предметов одежды и обуви;
16. обеспечение заключённым женщинам условий труда, соответствующих технике безопасности и санитарным правилам и нормам, в том числе предоставление при необходимости спецодежды и средств защиты;
17. обеспечение достойной оплаты труда женщин в местах несвободы.

Заключение

Все перечисленные в данном докладе обстоятельства являются неполным списком тех нарушений, с которыми ежедневно сталкиваются заключённые женщины в различных местах несвободы. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин рассмотрел два дела против Беларуси, касающиеся дискриминации в местах несвободы. Между рассмотрениями этих двух дел прошло 12 лет, но при этом условия, с которыми сталкивались женщины в этих делах, были схожими. Это подтверждает, что государство если и предпринимает какие-либо меры по изменению положения женщин в местах несвободы, то только весьма незначительные.

Нарушения прав женщин не ограничиваются отдельными случаями: со схожими дискриминационными условиями содержания сталкиваются как женщины, отбывающие административные аресты, так и женщины, лишённые свободы в связи с уголовным производством. Гендерный подход не применяется ни при разработке и оценке инфраструктуры различных учреждений, ни при обучении персонала. В результате женщины содержатся в учреждениях, рассчитанных прежде всего на мужчин, а сотрудники мест несвободы транслируют гендерные стереотипы и применяют гендерно обусловленное насилие. Особую обеспокоенность вызывает то, что уязвимость женщин используется для целенаправленного давления; ухудшение условий содержания, ограничение доступа к гигиене и медицинской помощи применяются как средство наказания и контроля. Женщины, лишённые свободы по политически мотивированным делам, подвергаются наиболее жёстким и репрессивным условиям содержания. Тем не менее, они составляют меньшую часть всех женщин-заключённых, и даже их возможное освобождение в будущем не приведёт к улучшению положения остальных женщин. Это означает, что речь идёт не о проблеме отдельных категорий заключённых, а о структурном кризисе соблюдения прав всех женщин в местах несвободы. В связи с этим, ситуация требует не точечных решений и не временных гуманитарных мер, а комплексных законодательных и институциональных реформ, направленных на устранение дискриминации как таковой. Без пересмотра нормативной базы, практик исполнения наказаний, без привлечения к ответственности за ненадлежащее обращение с женщинами государство продолжит нарушать свои международные обязательства, а женщины-заключённые – оставаться невидимой и незащищённой группой.

Для улучшения ситуации международные механизмы должны иметь понимание об описанных в докладе обстоятельствах как о системной проблеме и поднимать вопросы касательно её устранения при официальном взаимодействии с Беларусью. Также ключевую роль в изменении ситуации играет последовательная работа беларусских правозащитни^ц: выявление нарушений через призму дискриминации, документирование нарушений, подача индивидуальных сообщений создают условия для долгосрочного давления на государство с целью искоренения дискриминационных практик и законодательства, и, в конечном итоге, к улучшению положения женщин во всех местах несвободы.